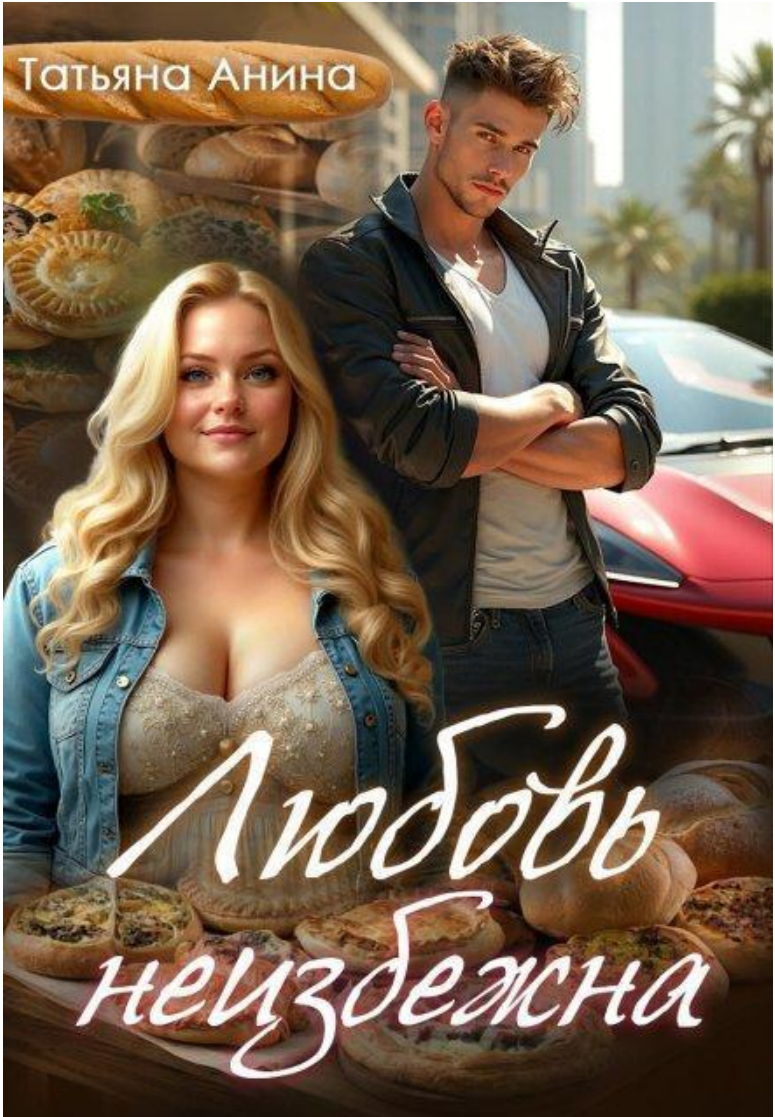

Татьяна Анина
Любовь неизбежна

Татьяна Анина
Любовь неизбежна

https://litres.ru/74731344

Аннотация

Ночь страшна и полна ужинов, я страдаю. И тут на мой балкон неожиданно сваливается парень. Хаотичный «троянский конь» оказывается красавцем с телом Аполлона и разгильдяем, каких свет не видел. Возможно, поэтому он в этот же день переезжает ко мне. И я не против! Странная случайность становится началом невероятного похудения. Шанс победить комплексы и неуверенность! А потом жизнь вообще делает кульбит, и я становлюсь другим человеком, и мир мой меняется.

Внимание! Никакого бодипозитива, героиня похудеет. Без мата и откровенных сцен. Много добра, семейных тайн. ХЭ. Блог

Содержание

Ночь страшна и полна ужинов.	4
Еда не приходит одна	22
Нас уносит бурное печенье	37
Двум завтракам не бывать, одного не миновать	61
Если щи хороши, других не ищи	74
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ночь страшна и полна ужинов.

«Итак, Дневник. Опять я. И опять мы начинаем с классики: дорогой Дневник, я – жирный бегемот в человеческом обличье, втиснутый в пижамку размером с парус. Ну, почти классика. Вариация на вечную тему».

Это не простой дневник – это мой интернет-канал. Просто так захотела – публично рыдать. Во избежание негатива, я отключила все комментарии и отрицательные лайки. Так что мой дневник полностью позитивный.

Из знакомых на мой дневник никто не подписан, кто все эти тайные люди, рассматривающие мои складки на теле и читающие мои страдания – не знаю.

Каждое слово давалось с трудом, как будто слова были гирьками, которые я вынуждена была поднимать и выдавать на клавиатуре через символы. Больно ведь, а текст выходил каким-то радужным.

Я чувствовала себя неповоротливой, чужой в собственном теле, слишком большим грузом в этой комнате, где тихо и спокойно.

Вдруг едва уловимое дуновение воздуха коснулось руки. Лёгкий, почти призрачный ветерок подул с балкона. Он принёс с собой запах ночного города – прохладу, чуть горький аромат асфальта после дневного зноя, может быть, отдалённый отголосок цветущих старых яблонь у моего окна. Сквоз-

нячок был нежным, ласковым, но для меня он стал резким контрастом внутреннему состоянию. Пробежал по коже, по рукаву тонкой пижамы, заставив слегка вздрогнуть, и тут же растворился в тишине моей гостиной над пустой чугунной сковородкой, в которой ещё десять минут назад лежала ароматная жареная картошечка с луком.

Ещё с балкона доносились звуки проезжающих мимо машин и какие-то разговоры. Видимо, под окнами проходили люди в столь поздний час.

Мир за окном, который сейчас казался мне таким недостижимым, будто я сама себя отделила от людей.

И тут в умиротворённой безмятежности с балкона донесся оглушительный грохот!

Как будто что-то тяжелое и керамическое с треском разбилось о плитку. За этим последовал глухой удар и болезненный стон.

Я вскочила со стула – сердце упало в пятки.

Страх, холодный и липкий, мгновенно сковал все тело. Я замерла, а потом метнулась к чугунной сковородке, вцепившись в ручку так, что костяшки пальцев побелели.

Там мог быть грабитель, сумасшедший или… Или что?

В голове паника. Мысли о весе и дневнике испарились, сменившись первобытным ужасом.

Тишина снова воцарилась, но теперь она была зловещей, полной ожидания. И тут... раздался ещё один стон, жалобный и сдавленный, прямо за балконной дверью.

Я, движимая инстинктом самосохранения и внезапной яростью из-за того, что моё тягостное и унылое уединение было нарушено, решительно направилась на балкон.

В конце концов это моя квартира, и мне её охранять!

Дрожа, но с решимостью загнанного в угол зверька, я подкралась к балкону.

А на нём царил хаос. Мой любимый глиняный горшок был разбит вдребезги, земля разбросана вокруг, цветок сломан.

А посреди всего этого безобразия, потирая поясницу и морщась от боли, сидел... парень моего возраста. Он выглядел не столько опасным, сколько крайне нелепым, при этом пьяным до поросячьего визга, поэтому стоны иногда наполняли похрюкивания.

На лице его смазливом, которое можно было неплохо различить, в свете уличных фонарей, появилась широкая виноватая и немного глуповатая улыбка.

И хотя балкон у меня не закрытый и не застеклён, а лёгкий ветерок по городу летал, я ощутила запах алкоголя, парфюма и каких-то сладостей. Это он так пах, совершенно чужеродно, неизвестно и волнующе.

Я посмотрела на незваного гостя, потом на сковородку в своей руке, потом снова на него. Беспокойство начало медленно отступать, уступая место нервной дрожи, которая теперь больше походила на смех. Эта ночь явно пошла не по плану.

— Э-э... Привет? — хрипло выдавил он, помахал мне ру-

кой. — Извини, что врываюсь так... драматично. Я не хотел.

Я замерла со сковородкой наготове. Беспокойство никуда не делось – адреналин все еще пульсировал в висках, но оно начало смешиваться с полным непониманием и нарастающей долей абсурда.

— Ты... кто? Что ты здесь делаешь? На моем балконе. В одиннадцать часов вечера?! — мой голос дрожал, но в нем уже слышались нотки возмущения.

Парень попытался встать, снова застонав:

— Ох, подожди секунду... Болевой шок. Я... э-э... — он оглядел разбитый горшок и потер затылок. — Простите, мадам.

— Мадемуазель, — кинула я ему.

— Вау.

Он протянул ко мне руку, пытаясь ухватить за ногу. Но я брыкнулась.

— Откуда ты вообще свалился? Или ты забрался снизу?

— Снизу наверх, — пьяно и печально ответил чудик. — Хотел на крышу, не удержался. Хорошо, что балкон не застеклён.

— Нереально, — не поверила ему и отрицательно покачала головой. — Прости, но физику я в школе изучала, ты не мог просто так свалиться.

— А я вообще не помню.

Он потряс богатой тёмно-русой шевелюрой. У него глаза красивющие серо-голубые. И смазливая моська. Хорошень-

кий какой… Но я была беспристрастна!

— Ты сломал мой цветок, — расстроенно констатировала я, глядя на причинённый мне ущерб. — Давай… Иди откуда пришёл.

И после этих слов вошла в комнату, чтобы закрыть дверь на балкон и задёрнуть занавески.

Надо, наверное, застеклить балкон.

И, может быть, даже сесть на диету, а то в дверной проём уже с трудом пролезала.

Легкий ветерок с балкона снова подул в комнату, но теперь он нес с собой запах развороченной земли и глины, смешанный с запахом уснувшего города. Я медленно опустила сковородку.

Спокойствие ночи было безвозвратно нарушено, но теперь вместо тягостных мыслей переполняло нечто другое – дикое недоумение, остатки адреналина и зарождающееся понимание того, что эта история станет самой нелепой записью в моём дневнике за все время.

Хотела дверцу балкона прикрыть, но парень забрался в мою квартиру. Я не сильно паниковала, потому что заходил он на всех четырёх конечностях.

Парень сел на пол, продолжая улыбаться.

— Я сейчас вызову полицию, — спокойно предупредила его.

— Зачем? — тихо, но совершенно пьяно поинтересовался он.

Спиной откинулся на стену и сел на пол. Из полутьмы разглядывал меня.

— Ничёсе! — мирно выдохнул он. — Вот это грудь.

— Ты мне мешаешь, — заявила ему, сложив руки на груди, при этом умудрялась держать сковородку, которая однозначно выглядела грозным оружием в сочетании с моей весовой категорией. Это вам не тефлон какой-нибудь, тут и убить можно.

Парень огляделся по сторонам, не найдя ничего необычного, пожал плечами:

— И чем ты тут занимаешься? Скукотища у тебя страшная.

— Ничего подобного, я тут умираю от обжорства.

Во всей этой самоиронии, всегда присутствовала нотка отчаяния.

— Хорошо, скажи где ты ляжешь помирать, я начну с искусственного дыхания и массажа титек сердца.

— Ты наглец! — возмутилась я, осознав, что он меня в краску вогнал.

Но не почувствовала отвращения к происходящему. Меня больше не пугала ситуация, а казалась действительно забавной. Он разговаривал со мной, как будто я обычная девушка пышных форм. А может, даже не пышных, а обычных. Это потому что он был пьяный.

Здоровый такой, хорошенький. Я начала его рассматривать. У него красивая одежда: джинсы модные, оригиналь-

ные спортивные кеды – высокие, широкая толстовка с яркой надписью, которую я не могла прочитать, поскольку это были иероглифы.

— Что ты расстроилась? — Усмехнулся он. — Я вообще тут надолго.

— Ненадолго, — поправила я.

Он посмеялся, кивая в знак согласия:

— Я просто перебрал чутка.

— Давай выметайся. Но чтобы я не волновалась – через дверь, как нормальный человек.

— Ты будешь волноваться? — искренне удивился он. — Мать родная не волнуется, а ты будешь? Пупс, я нормальный человек.

Он попытался встать по стенке.

— Вижу, — вздохнула я, переживая за его беспомощность.

Парень медленно поднялся на некрепкие ноги, ухмылялся сам себе. Стоять твёрдо не мог, продолжал опираться спиной на стену. И тут оказалось, что он ещё и высокий. Я метр семьдесят, а этот все метр девяносто! И атлетически сложен. Прямо Аполлон.

— Нравлюсь? — поинтересовался он, хмурясь и пытаясь меня рассмотреть в темноте.

— Я не понимаю, о чем ты. — Хорошо, что темнота, я продолжала краснеть. — Ты врываешься в чужой дом, — в моем голосе не было возмущения, я говорила очень тихо и

спокойно. — Проходишь в обуви по чистому полу.

— Пардон!

Он нагнулся, чтобы расшнуровать свои кеды, но его понесло вперёд. Нерасторопно сделал пару шагов и упал носом прямо между моих грудей, что торчали из расстёгнутых пуговок. Но при этом не повалил меня, а вовремя остановился.

Я стояла, не зная смеяться или плакать. А может ударить его. Но я реально не хотела его гибели, ни с балкона ни при соприкосновении с моей сковородой. Поэтому просто оттолкнула.

Он же выпрямился, вдыхая звучно носом мой запах. Расправил передо мной свои широкие плечи.

Ох, какой красавец!

Мечтать ведь никто не запрещал, ведь так?

Мой взгляд задерживался на каждом неловком движении парня. И тут я начала представлять себе, каково это чувствовать рядом такую мощь и энергию. Мысли кружились в голове, рисуя картины совместных прогулок, тренировок и вечеров, наполненных разговорами обо всём на свете.

И хотя у нас был только его нос между моих грудей, и то как-то быстро и неполноценно, я всё же успела помечтать. И наслаждалась созерцанием прекрасного зрелища – бесподобного красавца в моей одинокой квартире, радовалась этому моменту.

И тут его взгляд стал… О нет! Знающим! Профессионально-осуждающе-сочувствующим! Так обычно смотрят на без-

надежный случай.

— Эм… — парень кашлянул. — У тебя… проблемы?

Он кивнул в сторону стола, где горел монитор, освещая гору оберток от шоколадок. Потом, не упав, сделал шаг назад, чтобы рассмотреть мою фигуру в целом, не вдаваясь в подробности.

Я рассердилась на такие слова и на его мерзкий взгляд.

Проблемы?!! У меня их целый вагон! И самый главный груз в этом вагоне прямо сейчас стоял передо мной в грязной обуви на чистейшем ламинате и оценивающе смотрел!

Я глубоко вздохнула, выронив сковородку от какого-то негодования и потерянности.

— Проблемы? — выдавила я сквозь зубы, чувствуя, как горит лицо. — Да, знаешь ли, кое-какие есть. Особенно после того, как ко мне сваливаются незваные мужики и срывают мою запись в дневнике.

Он ухмыльнулся. Дерзкий какой!

— Ну, — сказал незнакомец, оглядываясь на балкон, где валялись осколки горшка, — может, это знак? Что пора решать проблемы… покрупнее? — Он многозначительно приподнял бровь.

Я сейчас его ударю, либо себя за слабость во всём.

Или… нет.

Может, это действительно знак? Знак того, что даже когда ты чувствуешь себя последней жирной неудачницей на земле, Вселенная может плюнуть тебе в лицо с балкона уди-

вительно красивым мажорчиком? Вот прямо в буквальном смысле.

Что делать? Крикнуть: «Сам ты крупный!»? Ударить его пустой сковородкой. Или… Вдохнуть поглубже и сказать:

— Знаешь что, пришелец с балкона, может, ты и прав. Но сначала… верни мою герань! А потом мы поговорим об этих твоих… «более серьёзных проблемах».

— Хм. Интересная мысль. Ведь если уж судьба так настойчиво подсовывает тебе тренера прямо на балконе… Может, стоит хотя бы попробовать его использовать? Шутка. Или… нет? — он хитро щурил один глаз.

— Какого тренера? — округлила на него глаза.

— Я – фитнес-тренер. Грудь охрененная, но надо её обрамить в твёрдую основу… расплывается.

— Сейчас ты с балкона будешь прыгать, приготовься, — я начала закатывать рукава пижамы.

Тренер? По фитнесу?! Ирония судьбы. Ко мне, только что объевшейся жареной картошкой и шоколадом, оплакивающей свою судьбу «жирдяйки», с неба падает тренер по фитнесу.

Это не смешно!

Это жестоко!

Я стояла, не зная, смеяться мне или плакать.

— Будем знакомы, — он подал мне руку — Аполлон.

— Вот как, — усмехнулась я. — Что серьёзно это твоё имя, да?

— Мой папаша – идиот.

— Не говори так! По крайней мере, он у тебя есть.

— Ну, да, есть. И мать, кстати, у меня есть, — он хохотнул, но лицо при этом отображало глубокую печаль.

— Алексия, — я пожала его руку… Такую крепкую, с длинными сильными пальцами и широкой ладонью.

И даже само прикосновение произвело на меня неизгладимое впечатление. Я вздрогнула, по телу пробежали мурашки.

— А как твоё отчество? — поинтересовался он, будто серьёзно знакомился со мной.

— Алексеевна.

— Ого! Прикольно!

— Я тебя доколю до конца, — усмехнулась я. — Я ещё и Алексеева.

Зачем я знакомилась так? Наверное, потому что почувствовала тяжесть всех съеденных шоколадок, и мне не хотелось есть совсем. А ведь ещё до падения Аполлона на мой балкон, я думала заточить килограммчик мороженого, оно томится в морозилке.

Есть не хотела. Совсем! А чего хотела в этот момент так и подумать страшно. Я хотела, чтобы он не трезвел. Хотела, чтобы он говорил со мной так спокойно, не рассматривая и не смеясь. Нет, все-таки я взрослая, понимала, что просто нужно менять круг общения, тогда мне станет спокойней, никто не будет подкалывать и смеяться надо мной.

Но я бы хотела, чтобы окружающие люди, совершенно случайно знакомые относились к моим недостаткам спокойно... Будто можно всё исправить.

— Аполлон Игоревич Серов. — Он сделал реверанс, похожий на пьяную восьмёрку. — Позвольте, мадмуазель, с вами потанцевать.

— Музыки нет, — ответила я ему, — и ты уходишь…

— Куда я пойду? Да и зачем мне куда-то идти, когда ты здесь… Ты здесь, — он куда-то смотрел в пол, болезненно хмурился, и я подумала, что он расплачется сейчас.

— Все в порядке? — с беспокойством попыталась заглянуть ему в лицо.

— У меня все в порядке, — опять выпрямился, и улыбнулся лучезарно.

У него белые, ровные зубы, улыбка сногсшибательная. Аполлон, что скажешь.

Иногда поражалась, почему вот у красивых внешне, вполне успешных людей всегда стремление напиться, обдолбаться, обкуриться. Почему не живётся спокойно? Все же есть, все же хорошо. Чаще всего они даже имеют семьи, вот у Аполлона мама с папой, хотя он папу назвал идиотом. Не факт, что это правда, может, у парня задержавшийся переходный возраст, какой-то протест.

— Аполлон, — вздохнула и тихо шептала ему, — давай-давай, убирайся! Нечего здесь делать.

— Не могу, не хочу, ты такая мягкая! — он огляделся по

сторонам. — Мне есть, чем заняться здесь. Ты одна живёшь?

— С мамой.

— А мама где?

— Временно в больнице, — соврала я.

Это уже привычка врать – вот так про маму. Я уже ничего не изменю, мне нравилось говорить об этом. Мама в больнице. Скоро будет. Скоро приедет. Я не одна.

— А у тебя тут сколько комнат? — Он выводил пальцами в воздухе витиеватые узоры. — Мне вот надо пожить где-то. Можно я у тебя комнату сниму?

— Нет, нельзя, — ответила я, разворачивая его в сторону двери из гостиной.

— Я хорошо заплачу.

— Судя по всему, ты будешь водить сюда тусовки.

— Нет, не буду. Наоборот, мне нужно такое место, куда я не буду водить тусовки. Вот везде могу водить, а к тебе не приведу никого.

— Глупость какая-то. Давай ты протрезвеешь, а потом поговорим.

Я начала его толкать к выходу. Он смеялся, сопротивлялся, пытался упасть на меня. Ну, я упёрлась руками в его широкую спину и вела вперёд по гостиной в сторону прихожей. А под ладонями моими играли крепкие мышцы, и настроение моё улучшилось, повеселела я.

Аполлон смеялся, и я тихо усмехалась.

А потом парень резко, будто не пьяный вовсе, в сторону

сделала скачок. Да резво так!

А я все продолжала упираться, и чуть было не упала вперёд. Взвизгнула , перепугавшись. С моим весом падать нельзя, можно переломать всё… Хотя жирок спасёт.

Но не успела рухнуть, крепкие мужские руки, обвили меня за талию... Ну или за тот район, где она должна находиться. Ладони ухватились за груди.

— Оп, поймал!

Вот тут я испугалась. Испугалась вообще того, что чуть было не упала и что он меня хапает нагло так.

Я начала разворачиваться, сопротивляться.

— Прекрати меня трогать! — закричала на него.

Выкрутилась, попой ткнув хорошенько пришельца с балкона, и включила свет.

Парень быстро зажмурился, а затем, щурясь, рассмотрел меня.

— О-о-о, — он посмеялся.

Надо мной, наверное. Я слишком полная. Я глубоко разбитая, одинокая и несчастная. Единственная будет радость в жизни, если мне дадут действительно работу. И станет намного легче.

— Я был на дне рождения, — он неожиданно стал серьёзным. — У своего брата. Брата зовут Рома. Рома – родной брат, — он говорил быстро, заплетающимся языком, пытаясь до меня, видимо, что-то донести. — А родная сестра Инга. Да, Инга! Она болеет. Она была такая несчастная сегодня.

— У Аполлона полились слёзы. — Никого кроме них двоих. Родители – дерьмо собачье в парке. Только они, старшие мои…

— А чем болеет Инга? — поинтересовалась я.

— Не знаю, собралась уже умирать.

— Нет, это грустная тема, — я начала отрицательно мотать головой. — Не хочу об этом говорить.

— Хорошо, я короче к тебе переезжаю.

— Нет.

— Да. Давай согласие.

— Не дам.

— Нечасто слышу такое от девушки, — он опять опрокинулся на стену, теперь уже у входной двери. Смотрел на меня , как кот от удовольствия, прищурился и улыбался. — Всё, Алексия, я твой навеки. Ты мне нравишься.

— Ты меня толком не видишь. Ты пьяный в стельку.

— Не-е, — он угрожал мне пальцем. — Я разбил твой горшок. А в горшке была герань. Герань страшно воняет, я все запомнил. Я должен тебе розовую герань.

— Покупай красную, — поспешила я влезть со своим желанием, — эту я восстановлю.

И вытолкнула его из своей квартиры.

— Алексия, а поцеловать?

— Обойдёшься, — я навалилась на дверь, пытаясь её закрыть.

— А телефончик… Хотя зачем, я же переезжаю к тебе.

— Нет, — рявкнула я, натужно закрыла всё же дверь и тут же защёлкнула замок.

Мне было смешно и почему-то невероятно легко. Я вернулась к компьютеру. С улыбкой на губах, посмотрела свой дневник и сделала новую запись.

Быстро и взволнованно писала, иногда прерываясь, чтобы тихо хихикнуть. Если меня читают женщины, то я им так сейчас Аполлона опишу!

«Дневник Алексии. Поздняя ночь.

Что ж, драматичные размышления о собственном весе можно отложить. Срочно фиксирую событие века! Помнишь, дневник, ту самую Глубокую Тоску по Несовершенству Тела? Забудь. Ее буквально сбросили с балкона.

Сидела, предавалась самобичеванию, считала каждую лишнюю калорию. Балконный ветерок так нежно дул... И тут бам! Гром! Звон осколков! Сердце ушло в пятки. Мысли: «Воры! Маньяки! Конец! Моя бедная герань!» Схватила сковородку (мама дорогая, чугунную! Теперь я знаю, почему в Средние века они были оружием – рука отваливается!).

И что же? На балконе не грабитель. А ПАРЕНЬ».

Текст появлялся сам собой. Наконец-то я отвлеклась от прошлого скандала в соцсети. Печатала и печатала. Я его пальцы, его косую сажень в плечах описала. Взгляд хитрый, и губы чувственные с ямочками. Какой же лапушка, ну зачем я его выгнала.

«…И вот я сижу теперь. Весь ужас вечера испарился. Вес?

Кажется таким нелепым на фоне падающих с неба парней. Самобичевание? Потеряло всякий смысл. Зачем корить себя за лишнюю печеньку, когда Вселенная подбрасывает тебе падающего с карниза фитнес-тренера? Это шикарно! Это уровень абсурда, до которого мои страдания даже не дотягивались».

— Записала? Записала, — сказала я сама себе.

Торжественно поставила точку с таким нажимом на клавишу. Откинулась на спинку стула, смотрела в темноту и вдруг тихонько фыркнула, а потом начала смеяться – сначала тихо, потом все громче, пока не перешла на слезы, которые катились по щекам. Тяжесть ушла. Осталась только эта дикая, нелепая история и странное облегчение. Физическая гравитация никуда не делась, я всё ещё страдала. Но так почему-то лучше. Намного.

Я жила!

Ещё раз посмотрела на дневник, а у меня было на три подписчика больше.

Ставили сердечки, пальцы вверх и смеющиеся смайлики. Настроение моё улучшилось, и я подумала, что это был какой-то переломный момент, когда я отказалась от прошлого. От всех друзей, которые не были мне друзьями, от всех нехороших знакомств, которые сопровождали меня с училища.

Теперь новая работа, новые мысли и новые стремления.

И Аполлон – совершенно новый человек в моей жизни.

Пусть он ушёл и не вспомнит завтра ни о чем. Но впечатление он произвёл и оставил приятный отпечаток на моем сердце.

И возможно, я в очередной раз задумаюсь похудеть.

И вот уже надо было всё закрыть и с улыбкой лечь спать, но висело сообщение в личке.

Я уже зареклась, не читать ничего. И …

Сейчас удалю все страницы. Моя жизнь начинается заново.

Но вместо того, чтобы действительно удалить себя из соцсетей, я полезла читать, что мне делать было нельзя.

Еда не приходит одна

Они опять меня оскорбили. Опять унизили и втоптали в грязь. Мои бывшие однокурсницы и их парни, друзья и подруги – это когда-то была моя тусовка. Точнее, я никогда не была там своей. А была чем-то вроде пугала, в которое все плевали. Надо же, а я когда-то считала это нормальным, лишь бы со мной кто-то разговаривал.

Ну, вот так считала, так думала.

Вот завела себе дневник. У меня даже были какие-то подписчики. Не знаю, где они меня нашли, никому из знакомых, я ничего не рассказывала. Своему дневнику жаловалась на жизнь. Писала с подробностями, как прошёл день. Вот сегодня опять. У меня текли слезы, дрожащей рукой, я потянулась к шоколадке и откусила кусок. Все деньги уходили на еду. Коммуналка, еда. Еда и… Я много ела после смерти мамы, и вот после этих переписок в чате, из которого я вышла.

Из чата вышла, а переписку с отдельными личностями не пресекла. Глупо с моей стороны.

Я закрыла личные сообщения, я не хотела читать эти скрины, на которых было написано, что я – жиртрест.

Я существую, чтобы об меня вытирать ноги, но главное – не испачкаться моим жиром. Вот, что продолжали писать в чате, когда меня нет.

Я все удалила и почистила корзины, начала записывать

чувства, и все свои переживания в дневник.

Мой дневник – история моей слабости.

Дневник открыт на той смешной истории про парня с балкона. Я перечитала. И она показалась... глупой. Фальшивой. Как я тогда смеялась? Над чем? Ведь я же вот – жиртрест.

— Ненавижу, — заплакала я, и записала это в дневник.

«Ненавижу их улыбки. Ненавижу их смех. Ненавижу это слово: «Разбухла». Ненавижу свое отражение. Ненавижу, что не смогла ничего сказать. Ненавижу этот ДНЕВНИК! В котором я пыталась быть милой, смешной, глубокой. Глупо. Все это – ложь. Я – шар Жиртрест».

Я яростно перелистывала дневник назад. Недели. Месяцы. Все, где есть хоть намек на тело, на еду, на сомнения.

Это? Про тренировки? Вранье.

Это? Про пирожное и угрызения совести? Слабость.

Это? Про платье, которое жмет?

Дошла до начала. Самые первые, робкие записи. Рука зависла. Дрожь усилилась.

А там ещё мама жива…

Я быстро вышла из интернета. Экран ещё немного мерцал, а потом погас.

Села на пол среди обрывков своих мыслей и чувств, где недавно сидел Аполлон. И мне показалось, что в комнате остался ещё его запах. Прижала бы колени к груди, обхватила бы себя руками, но не могла – толстовата.

А в комнате очень тихо. Слышно только моё прерывистое,

неглубокое дыхание. Смотрела в стену, на щеке одинокая слеза.

Весь мир жил где-то вдали от меня. Ну как учила мама? Нужно искать хоть что-то хорошее. Даже если ты понимаешь, что ничего хорошего нет, и от этого ты не можешь найти в себе силы что-либо украшать в радужные цвета. Зато я точно знала, что у меня нет больше друзей. Никого. Я их всех заблокировала. И все свои старые страницы удалила, остался только мой дневник.

Я молода, мне двадцать два года. Я независима, потому что у меня будет прекрасная работа в пекарне «Пирожок». Двухкомнатная квартира полностью моя. Правда я в гостиной на диване спала, потому что в маленькой затеяла ремонт. Куплены обои, но как я их буду клеить?!

Мама бы помогла.

Я все время говорила им, что мама жива, что живу с мамой. Хотя мамы уже не было три месяца. Не знаю, почему я так говорила.

Хоть так… Ощущение, что человек не ушёл.

А мама не любила моих друзей. И предупреждала: меня могут оставить без квартиры. Каждый раз она выдумывала новые истории, как меня обманули, и как я осталась на улице. Короче, я пугана родительницей.

Теперь очень жалко, что, кроме дневника у меня никого и не было. Но я пойду на работу! И, возможно, там получится найти хороших друзей. Ведь на работе тоже можно дружить,

не только в училище.

Поздняя ночь, разбитый горшок на балконе. Герань до утра не погибнет, сегодня уже сил не было.

Я доползла до дивана, он был разложен и заправлен. Отодвинула в сторону старый плед с изображением льва и упала лицом в подушку, тело сотрясалось от беззвучных, но яростных рыданий. Воздух вырывался хриплыми, рвущимися спазмами. Я вцепилась в одеяло, как утопающий, пальцы побелели. Весь мир сузился до темноты за закрытыми веками, до жгучей боли в груди и ненавистного слова, отдающегося эхом в черепе: «Жиртрест».

Я так доведу себя...

Дзынь!

Звонок в дверь прозвучал как выстрел в тишине. Резкий, настойчивый, неожиданный в этой мёртвой ночной тишине.

Я на мгновение замерла, рыдания прекратились. Сердце, и без того бешено колотящееся от слез, замерло, а потом пустилось в еще более бешеный галоп.

Кто?!

Мысли, затуманенные болью и слезами, метались, я крикнула:

— Оставьте меня! Просто оставьте!

Вряд ли это кто услышал.

Дзынь-дзынь!

Звонок повторился, уже более нетерпеливо. Кто-то явно знал, что я дома и не сплю. Или что-то случилось... Пожар

в подъезде?!

С трудом оторвав лицо от мокрой подушки, я попыталась встать. Ноги подкашивались, голова кружилась от рыданий.

Вряд ли пожар, под балконом бы уже толпа собралась. А в комнате пахло парнем, у него отличный парфюм…

Вкусно.

Надо бы прекращать жрать на ночь, а то сна нет и тяжело дико.

Угу.

Сколько я это уже себе талдычу.

Дзынь!

— Иду! — недовольно пробормотала себе под нос.

Подошла к двери, опираясь на стену. Глаза опухшие едва различали глазок.

На пороге, в тусклом свете коридорной лампочки, стоял... Он. Тот самый парень с балкона. В той же тёмной толстовке, но теперь с большим, явно только что купленным пластиковым горшком под мышкой.

— Лекса! — кричал Аполлон.

****

Впервые меня так назвали.

Аполлон так орал, что соседей мог разбудить. Его лицо выражало смесь решимости и лёгкой нервозности. Он оглядывался по сторонам, словно боялся, что его сейчас схватят за ночную доставку растений.

Я отвернулась от глазка, прислонившись лбом к холодной

двери.

Что ему нужно? Сейчас… Горшок? Он принес горшок? В три часа ночи? Да он – сумасшедший! А, нет. Он пьяный.

Нелепость ситуации была настолько запредельной, что на мгновение заглушила тупую боль. Слезы все еще текли по щекам, но теперь к ним примешивалась капля безумного, истерического смеха, застрявшего в горле.

Дзынь-дзынь-дзынь!

— Эм... Алло! — донесся приглушенный, но узнаваемый голос из-за двери. — Лекса! Это я... э-э... с балкона. Тот... с геранью. Я обещал горшок и красную цветочку. Извини, что так поздно, просто магазин, который работает по ночам, только что закрылся, я еле успел... Еды нам купить. И... ну, я подумал, раз уж так вышло, лучше сразу, чтобы не тянуть? Ты... ты не спишь? Я видел свет... Э-э... Откроешь? Или я оставлю у двери? Просто герань, она живая, ей нужен воздух. И мне негде спать.

Я стояла, прижав ладони к лицу. Сквозь пальцы текли слезы.

А унижение жгло. Но поверх всего этого нарастало дикое, абсурдное недоумение. Этот человек свалился с неба. Буквально! Заставил почти умереть от страха, а потом пришел. С геранью. В три часа ночи. Потому что «обещал». Потому что «чтобы не затягивать». Это был сюрреализм высшей пробы. Но именно Аполлон спас меня в эту ночь от ужасных

мыслей. Сбил ритм моего горя.

Голос за дверью снова донимал:

— Ладно... Наверное, ты спишь. Я оставлю у двери, хорошо? И... еще раз извини. За балкон. И за... ну, за все. Спокойной ночи. Я тут на лестничной площадке посоплю.

Что-то во мне дрогнуло: ни надежда, ни радость, даже ни смех. Просто... что-то сломалось внутри этой ледяной глыбы отчаяния. Может, абсолютная нелепость происходящего. Может, его неуклюжая, но упорная попытка сдержать слово. Может, просто отчаянная потребность в любом контакте, кроме ненависти ко мне.

А ещё он красивый и вкусно пах. И это не считая того, что он фитнес-тренер.

Рука сама потянулась к замку. Цепь щёлкнула. Задвижка отодвинулась. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров, удерживаемая цепочкой.

Парень уже собираясь уходить, но обернулся. Увидел щель в двери, моё опухшее, залитое слезами лицо, один глаз, смотрящий на него с немым вопросом и болью.

Лицо Аполлона отразило шок, замешательство и мгновенную тревогу.

— Ох! — вырвалось у него. — Ты... Лекса, что случилось? Ты плачешь? Все в порядке? Я не хотел тебя обидеть, честно!

А я не могла ответить, горло сдавил новый спазм. Я просто стояла, держась за дверь, тихо всхлипывая и чувствуя, как слезы снова градом катятся по щекам. Ведь перед дверью

стоял единственный человек во вселенной, который в этот момент видел мою боль и почему-то принес мне герань посреди ночи. Это не уменьшало боль. Но странным образом делало бесконечную ночь чуть менее одинокой.

Я не знала, что сказать, просто плакала.

— Открывай, — тихо попросил он, прислонившись к стене с другой стороны двери. И казалось, между нами интимная близость.

— Аполлон…

— Лекса.

— Странно называешь.

— Открывай.

Устала так… Взяла и открыла ему.

Он зашёл в квартиру, как хозяин, катя за собой огромный чемодан на колёсиках…

— Э-э-а! — ошарашенно возмутилась я.

Идеально подстриженные русые волосы, лёгкая щетина, рюкзак накинутый на плечи, как плащ победителя. Подмышкой горшок с геранью.

Он излучал спокойствие и неуязвимость. Остановился прямо напротив двери в маленькую комнату. Его взгляд оценивающий скользнул сначала по сторонам, потом упал на меня.

— Сквозняк, закрывай дверь. А… Обувь надо снять, ведь пол чистый, — вспомнил он.

Вручил мне горшок и нагнулся, чтобы расшнуровать свои

кеды, при этом рюкзак съехал со спины и ударил его по затылку.

Какое счастье, что он есть в моей жизни!

****

— Судя по твоему внешнему виду , тебе не нужна комната, слушай, — я прищурила глаза. — А тебя не подсунули мне эти… Шутники?

Поставила руки в бока и уставилась на него пристально.

Аполлон хлопал ресницами.

— Нет, — он открыто улыбался, — ничего не понимаю. Ну, в принципе, мне сойдёт такое жильё.

Он обошёл меня и открыл дверь в маленькую комнату, которую я ласково называла: «Залом промышленного отчуждения и отложенного ремонта».

Возмущение и разного рода подозрения сменились настоящим смущением. Я бы не хотела показывать маленькую комнату, она была в разобранном виде.

— О да, это все, что я достоин, — печально вздохнул парень.

— Нет, подожди, я не собиралась сдавать комнату ни в коем случае. Поэтому здесь...

— Я человек простой, мне лишь бы крыша над головой была! – Аполлон включил свет.

Не люстра загорелась, а стоящий в стороне одинокий торшер без плафона.

Наступила тишина. Такую тишину можно было разлить

по стаканам.

Аполлон замер. Его пьяный, но всё ещё живой взгляд скользнул по интерьеру, который можно было описать только эпической поэмой о хаосе.

Некогда бежевые обои теперь напоминали абстрактную карту неизвестной планеты, с островками голой штукатурки в тех местах, где предыдущие обои отклеились с чувством глубокого протеста. Пятна неизвестного происхождения, оставшиеся ещё от бабушки.

Линолеум треснул так, что образовался настоящий каньон до бетонного перекрытия. В щели заботливо набилась пыль веков. Посреди комнаты гордо возвышалось ведро. В нём мирно покоилась лужица ржавой воды, набранной мной, когда я подумала, что нужен ремонт… Это было давно.

Ведро было центром композиции.

С потолка гроздьями свисали клочья старой побелки, похожие на медуз, переживших ядерную зиму. Люстра отсутствовала как класс. На её месте торчали три провода, печально смотревшие вниз, походили на щупальца осьминога, потерявшего надежду. Люстру снимал дядя Коля из соседней квартиры, но он уехал до осени на дачу, так что я не в курсе, когда мне заменят проводку. Наверное, буду искать платно.

В углу валялся одинокий продавленный матрас. Рядом стояла картонная коробка из-под холодильника. Аполлон, не решившись войти в комнату, коробку рассмотрел издалека:

— Это выполняет роль стула?

— И стола, шкафа для всего, — подтвердила я. — Как, подходит?

Пахло сыростью, пылью и лёгким отчаянием. Очень лёгким. И безденежьем, однозначно.

Я почувствовала, как краснею. Каждая клеточка моей подавленной души кричала: «Зачем я его сюда впустила?! Это же позор вселенского масштаба! Даже перед дядей Колей стыдно было, хотя там люди не избалованные.

Аполлон стоял и изучал этот постапокалиптический пейзаж. Его пьяный мозг явно обрабатывал информацию. Я приготовилась к смеху, брезгливой гримасе или бегству. Но Аполлон… он медленно кивнул, и его лицо озарилось понимающей улыбкой.

— Ну что ж… — протянул он. — Комнатка… камерная. Уютненькая. Ремонт… чувствуется, что в процессе творчества! — Он сделал широкий жест рукой, — а бардак – ерунда! Я как раз человек непривередливый!

— Заметно. Как хочешь.

Он набрался смелости, шагнул внутрь, благополучно миновав ведро-каньон, поставил на коробку горшок с геранью и плюхнулся прямо на матрас.

Столбом поднялась пыль.

— Вот тут я и... прилягу! — объявил Аполлон, уже закрывая глаза. — А деньги... завтра! Утром! Честное...тренерское!

И через три секунды он захрапел. Громко. Аппетитно. Как

будто нашёл свой Олимп прямо посреди моего личного разгрома.

Я стояла в дверях немного ошарашенная.

Подавив желание хрустнуть печеньем (нужно же как-то справляться), я тихо прикрыла дверь. Пусть спит. Утро вечера мудренее. Особенно когда просыпаешься на матрасе в эпицентре разгрома.

Добро пожаловать в мой маленький зоопарк, Аполлон.

Развернулась и, пошатываясь от усталости, пошла обратно в комнату. Упала на диван. Легла ближе к стене, поскольку обожала, чтобы колени упирались во что-то твёрдое – это для меня уютно и ощущение домика.

И тут тень. Массивная, шаткая, пахнущая вкусно парнем.

Я напряглась.

Не может быть. Додумался!

Аполлон, видимо, решил, что один матрас в руинах – это слишком банально.

Я приподняла голову.

Он стоял в дверях гостиной, молчаливый, как сомнамбула в спортивных штанах. И по пояс раздетый…

Уличные фонари за окном в гостиную доставали жидкими лучами света. И косыми лезвиями упали прямо на торс Аполлона.

Я замерла, забыв, как дышать.

А у парня широкие, массивные плечи. Тени ложились в ложбинки, подчёркивая их выпуклость. Каждая мышца ка-

залась высеченной из камня, но живого, дышащего камня. Свет фонаря скользил по ним, как по мрамору, подчёркивая гладкую бледную кожу.

Мощная грудная клетка. Свет разрезал её пополам: одна половина купалась в сиянии фонаря, другая утопала в глубокой тени. Рельеф был чётким, словно прорисованным. Выпуклости, впадины, тени, которые казались почти чернильными.

У него пресс! Настоящий… Шесть внушительных выпуклостей проступали даже в расслабленном состоянии. Тени глубоко залегали между ними, создавая иллюзию впадин, в которые можно было бы засунуть палец. Или язык...

Ого! Что в голову пришло!

Пошатался Аполлон, свет ложился на него бархатным пятном, подчёркивая каждое движение рёбер. Там, где тень была гуще, кожа отливала почти синевой.

Это была не выхолощенная красота спортзала. Это была грубая, животная мощь. Сила, выкованная не жимом лёжа, а, возможно, работой, драками или просто тяжестью собственного бытия. Сушка это! Тело дышало не тренированностью, а плотностью. Оно казалось невероятно реальным, осязаемым в полумраке моей гостиной. И невероятно чужим.

Чужеродное тело в моём мире еды и депрессии.

Этот дурацкий свет вырвал парня из тьмы и бросил мне в лицо его первобытную, пьянящую, офигенную мощь.

И я лежала, прикованная к нему взглядом. К богу древне-

греческому, идолу какого-то дикого, забытого культа. И это создание двинулось к моему дивану.

Прежде чем мой мозг успел сгенерировать хоть один внятный протест вроде: «Куда?!» или «Пошёл вон!», Аполлон сделал это – грузно плюхнулся за моей спиной и вытянулся во весь свой нетрезвый рост.

И всё, что я могла делать – это смотреть, заворожённая и ошеломлённая, через своё плотное плечо.

Он дышал у меня за спиной тяжело, ровно. И я сквозь пижаму, кожей чувствовала тяжёлого, тёплого, чужого и неумолимо присутствующего парня.

Храп, внезапно громко раздавшийся из этого мраморно-мясного изваяния, вернул меня в реальность.

Да, мощь, красота, тихий храп, похожий на посапывание.

Я вжалась в диван, как котлета в булку, а парень разливался по мне раскалённой лавой. Молча. Как будто так и надо. Как будто мы – супруги после ссоры, а не две случайные единицы хаоса, столкнувшиеся в квартирном вакууме.

Резко вскочить, заорать: «Вон отсюда, тварь!» и пинать его до тех пор, пока он не уйдёт? А может воспользоваться его состоянием и… Я уже и забыла, как оно.

Но прежде чем я успела выбрать благородный или не очень путь мести, произошло нечто.

Аполлон обнял меня.

Нет, не по-взрослому. А так, как огромный плюшевый мишка обнимает во сне случайную подушку. Его тяжёлая ру-

ка тюфяком легла мне на бок, голова уткнулась мне в спину. Послышалось довольное похрюкивание. Он нашёл игрушку. И этой игрушкой была я.

Я замерла.

Он просто ищет тепла, как щенок под забором. Спит пьяный в стельку и не понимает, где он и кто я.

В гостиной повисла тишина, в которой слышалось ритмичное, сладкое сопение Аполлона.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его тяжёлое дыхание раскачивает меня, словно лодку на волнах.

Мне так хорошо! Я на своём месте… Это так нормально и правильно, что внутри меня воцарился мир.

Пусть проспится. Завтра он протрезвеет, ужаснётся, и мы... Я мысленно представляла, как завтра утром мы будем пить чай и обсуждать условия его немедленного выселения из комнаты. Логично. Цивилизованно. Как взрослые люди.

А пока... пока огромный, пьяный, наглый Аполлон обнимал меня, как большую плюшевую игрушку для взрослых.

Нас уносит бурное печенье

Я открыла глаза. Солнце только всходило, а в окно с неприличной бодростью уже залетал гудёж общественного транспорта и людские голоса. Голова после вчерашнего кружилась, как у тусившей всю ночь. Что вообще было вчера?

Я резко повернулась на диване. Вторая подушка была смята, но пуста.

Парень уже встал. И, что самое страшное, он протрезвел. Подпевал дурным голосом где-то на кухне, подтвердил худшее – никуда не делся.

Вчерашний Аполлон был громким, навязчивым, болтал глупости. Его было... неловко выставлять в таком виде, да и устала я.

А сейчас он был трезв. И это всё меняло. Неизвестность висела в воздухе густым, удушающим туманом.

Чем закончится это утро? Неловким молчанием или агрессией. А может попыткой завязать разговор, который мне вовсе не нужен? Или чем-то... похуже? От мысли, что чужой человек мог рыться в моих вещах, пока я спала, по спине побежали мурашки. Хотя какой он чужой? Мы с ним переспали или просто спали. Первое даже прикольно, мне направилась такая формулировка. Но я всё равно не позволяла фантазиям завести меня в безвольное состояние.

С трудом оторвалась от простыни, пахнущей чужим по-

том, парфюмом и чем-то беспардонно манящим. Плохо я двигалась, с трудом, словно тело налилось свинцом от стресса и недосыпа. Лениво заправила постель.

В углу комнаты, рядом с зеркальным шкафом, стояли электронные весы. Старый ритуал – утро, вес, цифры. Порядок в хаосе. Возможно, сегодня это был единственный понятный, предсказуемый элемент в моей жизни. Я сбросила шлепанцы. Холод пластика под босыми ногами, мой глубокий вдох. Выдох…

Цифры мигали, успокаивали на привычном значении – девяносто девять и два.

Нет ста килограмм! Уи-и-и! Класс!

Взяв телефон, вышла из комнаты, стараясь быть стокилограммовой мышкой, юркнула в ванную.

В зеркале мелькнуло белое лицо с розовыми щеками. Ну-у, выглядела в любое время суток почти одинаково. Немного водички, и глаза засияли голубизной, улыбка красивая. Быстро расчесала светлые волосы.

Умывание холодной водой на секунду прояснило сознание, но тревога, плотным комком засевшая под рёбрами, никуда не делась.

Вытирая лицо полотенцем, услышала его шаги в коридоре. Парень приближался к ванной. Сердце бешено заколотилось.

— Лекса! Доброе утро! Будем завтракать, я же вчера закупился жрачкой!

Я быстро закрылась на замок. Привычка одинокой девушки – в квартире никого, можно не запираться.

Мне нужно было пространство. Воздух. Хоть какая-то иллюзия безопасности.

Внимание было приковано к щели под дверью ванной. Там мелькнула тень. Он остановился. Ждал. Прислушивался. Тишина внезапно стала громче любого звука. Я замерла, затаив дыхание, чувствуя его присутствие по ту сторону тонкой преграды.

Что он задумал? Что скажет? И главное — когда эта невыносимая неизвестность наконец закончится, и чем?

— Пупс, ты в порядке? — спросил Аполлон.

— Ты навязчив, — ответила я.

— Может заботлив! — и ушёл.

Облегченно выдохнула и, не поднимая глаза, открыла в телефоне свой дневник, стала печатать.

«Сегодня встала на весы. Цифры так и подмигивали: «Привет, сладенькая! Мы пришли, мы твои, и выселяться отсюда мы будем только в случае глобального похолодания. И то – не факт!

Иду на работу».

Я всё ещё пытаясь осознать факт существования человека, который вчера упал с балкона, а теперь разгуливал по кухне. Боялась влюбиться, заперла любые чувства глубоко в себе. Но они просачивались, неуёмные, готовые к побегу в моё сердце, которое обязательно затмит разум, и я наделаю

глупостей. И буду страдать. Страдать в любом случае придётся, шикарный парень никуда не делся.

А воздух был пропитан странными запахами. Что-то явно горело, но при этом пахло свежескошенной травой и цитрусовыми. И еще чем-то химически-зеленым.

— Ты что, спалил квартиру? Нет, вроде дыма немного... Но запах...

На кухне я уставилась на яркую и жизнерадостную картину.

Аполлон был одет в мою тесную розовую футболку с лампасами. С ужасом узнала свой уничтоженный винтаж. И спортивные шорты, которые сидели на нем как нелепые бриджи Парень грациозно подкидывал блин на сковородке, который так же грациозно улетел на тарелку.

— Почему в моей одежде? — спокойно спросила я. — Ты копался в моих вещах?

— Они сушились в ванной, — ответил Аполлон. В одной руке он держал сковороду, из которой валил едкий сизый дым. В другой – огромный кондитерский шприц, наполненный ярко-зелёной слизью неизвестного происхождения.

— У тебя свои вещи есть. Ты привёз их, они в чемодане.

— Эм… К сожалению, чемодан не мой.

— Да, ладно!

— Пупс, глянь лучше сюда, полезный завтрак для твоего же блага! Энергия! Витамины! Антидоты!

— Что?!

— Ой, то есть антиоксиданты!

— Погоди… Ты протрезвел и готовишь мне завтрак?!

— Конечно, — парень посмотрел на меня красивейшими серо-голубыми глазами и улыбнулся блистательно. А потом вернулся к приготовлению завтрака.

Вокруг царил кулинарный апокалипсис, оформленный в сочных тонах здорового питания: на столе красовалась зелёная радуга: шпинат, руккола, петрушка, какая-то морская капуста, проростки пшеницы (часть проростков валялась на полу) и подозрительный тёмно-фиолетовый порошок.

— Что это?! Свекла, спирулина? Или запчасти дохлого единорога?!

Тут же и яичная скорлупа, раздавленное авокадо, и пролитое кокосовое молоко.

Аполлон загоготал.

Продукты не мои. Я заглянула в свой холодильник. И там тоже не мои. Я тогда по ящикам полезла, обнаружив массу банок, мне не принадлежащих.

На плите, помимо дымящейся сковороды, стояла кастрюля, в которой бурлила кисло-зелёная жидкость с плавающими в ней кусочками имбиря и лимона.

Блендер лежал на боку, из него вытекала та самая ярко-зелёная слизь. Видимо, источник шприца.

Мука была повсюду: на столе, на потолке и на Аполлоне, его густые локоны были припорошены, как снегом.

— И кто это всё будет отмывать?

— Я готовлю Супер-омлет Силы! С добавлением Зеленого Эликсира Бодрости! — С сияющей улыбкой, игнорируя вопрос, он гордо потряс шприцем. — И Детокс-чай с пробуждением чакр! — Кивнул на кастрюлю. — Все по рецепту моего гуру здорового питания! Все органическое, био, эко, суперфуд! Никакого сахара, глютена, сомнений и страха смерти! Хочешь попробовать Эликсир? Или тебе лучше смузи? Я ещё не решил, куда его добавить в омлет или в чай. Или тебе в рот шприцем? Для быстрого усвоения!

Он ловко, как заправский бармен, выдавил из шприца порцию зеленой слизи прямо в дымящуюся сковороду. Раздалось зловещее шипение, и дыма стало в два раза больше.

— Твой гуру?

— Да, я шучу, пупс, не верю в чакры и в астрологию.

— Мой унитаз потом мне отомстит. Где ты взял все это? И зачем?! Аполлон! Если это конечно твоё имя!

— Я не обманываю тебя! А так я же вчера говорил! Я здесь надолго! И ты разрешила! А уборка, — он виновато посмотрел на беспорядок. — Решим все вопросы, Лекса.

Минута, и парень подал мне тарелку с пылающе-зелёным, дымящимся омлетом.

— Держи, пупс. Супер-омлет Силы! Спирулина, проростки, капуста твоя, яйца от счастливых кур, я надеюсь! И мой фирменный Эликсир! — он печально улыбался, глядя на меня. — Ешь быстрее, пока антиоксиданты не улетучились! Они же летучие, да? Или это глютен? Неважно! Принимай

пользу!

И смотрел... На меня так лет в пятнадцать смотрели, когда я реально была пупсом, и меня обожали все мальчишки от третьего до одиннадцатого класса. Заворожённо!

«ОШИБКА 404: Логика не найдена». Он не собирался съезжать от меня! Он трезвый относился ко мне, как отнёсся пьяный. И обосновался в моей квартире!

Это опасно. Он слишком хорош собой и готовит мне полезный завтрак.

****

Я машинально взяла тарелку. Завтрак отдавал смесью запахов аквариума, химической лаборатории и горящей пластмассы. К правильной еде ещё надо привыкнуть. Аполлон смотрел на меня с ожиданием в блестящих глазах, как ребёнок, который показывает маме слепленную из грязи «кашу».

А моя кухня после его готовки была похожа на эпицентр взрыва в магазине здорового питания. А ещё благодаря ему, мой балкон в ужасном состоянии, там не убрано ещё со вчерашнего вечера. На парне моя футболка, которую он умудрился испачкать кокосовым молоком.

И этот греческий бог кулинарного ада, преподнёсший мне зелёный омлет, однозначно ждал похвалы.

Я посмотрела на его стряпню. Теперь было понятно, почему из шприца – в виде сердечек. Потом перевела взгляд на сияющего Аполлона, потом на свою любимую кружку с котиком, которую он, видимо, использовал как мерный стакан.

— Я старался, — щуря глаза, он сел напротив, впечатляюще так сунув табуретку себе между ног.

Танцор? Вот откуда такая скульптура тела.

Нависла пауза, я взяла в руки вилку.

— Только попробую, — строго сказала ему. — Утром я не ем.

Потому что обжиралась на ночь, и с утра обычно подташнивало.

— Надо заставлять себя. Завтрак важен!

— Нет. Если я буду ещё и завтракать, то вес попрёт вверх.

— Ничего! Похудеешь! Вот увидишь. Сколько ты хочешь скинуть?

— Тридцать восемь килограмм, — не задумываясь, выпалила я, без особого энтузиазма, просто точно знала, чего хотела.

Единственное, что я для этого ничего пока не сделала.

— Можно, — согласился парень и приступил к еде.

Омлет оказался ничего такой. Если внушить себе, что полезен до безобразия, то есть можно. И напиток энергетический, от которого глаза на лоб вылезли, и витамины из ушей полезли, взбодрил с одного глотка.

— Я тебе не нравлюсь? — жуя, поинтересовался Аполлон.

— С чего ты взял? — спокойно ответила ему.

— Смотришь на меня, как на гуано, что собачка в парке наложила.

— Ты ошибся, — строго сказала парню, глядя на свою

футболку на его теле.

Интересно, а что тогда в его чемодане?

Я выдавила глубокий, дрожащий вдох и поднялась.

— Лекса, а чай с чакрами? — посмеялся Аполлон.

— Это моя квартира, и я здесь хозяйка! — я вышла с кухни.

— Не спорю! — неслось уже в спину.

Я стремительно прошла к красному чемодану, что стоял в маленькой комнате, где мой жилец не ночевал. Молния шуршала под моими пальцами. Крышка откинулась.

И мой мир остановился.

Чемодан был наполнен бельём. Не простым, а изысканным, кружевным, шелковым. Роскошным! Всех оттенков розового, черного, алого. Чулки с подвязками, бюстгальтеры с замысловатыми косточками, трусики, от которых я покраснела. И самое главное – весь этот шедевр интимной моды был одного сорок второго размера.

Я замерла, лихорадочно обрабатывая информацию. Маленькая глупость, поселившаяся в моём большом теле, ведь так надеялась, что этот парень мой…

Глупость! Что он готовит мне завтрак с сердечками, значит влюбился.

Глупость! Что я похудею, и у нас с ним будет прекрасное будущее.

Глупость…

— Мы расстались. Нам надо было срочно покинуть квар-

тиру. В скандале и вспашке, я прихватил её чемодан. Верну.

Он поедет к роскошному сорок второму размеру. Они помирятся, будут целоваться, и он никогда не вернётся ко мне.

Глупость!

— Если хочешь жить здесь, мне нужен твой паспорт.

— Деньги не сразу, — предупредил он. — Но могу, пупс, реально предложить занятия. Они дорогие, и я хороший тренер. И диетолог, если что.

— Хорошо, — спокойно согласилась я, закрыв чемодан. – Чужие вещи верни, пожалуйста.

— Как чётко подмечено: «чужие», — хмыкнул Аполлон, и я впервые за всё наше знакомство увидела его в недовольстве и даже в элементе злобы.

Я смотрела на него: рост метр девяносто, плечи как у шкафа. Поправил на себе мою футболку. Сорок второй ему только на одну руку. Достал из своей толстовки паспорт и подал мне.

Надо же! Точно ведь Аполлон Игоревич Серов. Двадцать четыре года… Не женат. Я всё сфотографировала. У него даже была прописка в городе, но не было где жить. Интересно.

Я вернула ему паспорт, он пожал мне руку:

— Как? Я тебе занятия, ты мне жильё.

— Как быстро можно скинуть вес? — глубоко заинтересованно поинтересовалась я.

— Сотку весишь? — он, прищурив глаза, окинул меня профессиональным взглядом.

— Нет, девяносто девять, — с гордостью заявила я, а потом струхнула.

Думала, будет смеяться, но он продолжил спокойно:

— Принимая во внимание , что ты юная, вода уйдёт быстро, думаю, первые восемнадцать килограмм слетят мигом. А потом придётся постараться.

Обалдеть! Восемнадцать?! Аполлон, возьми меня!

— А футболка твоя, — он потянул ткань на груди, — она просто очень удобная. И волшебная. Как и ты.

Слова Аполлона повисли в воздухе, смешиваясь с запахом ремонта, завтрака и едва уловимым ароматом дорогих духов, исходившим от роскошного белья.

Его спокойный, слегка отстранённый тон лишь подчёркивал абсурдность ситуации. Поза была расслабленной, почти неестественной, голубой взгляд был прикован ко мне.

Не смотрят парни на девушек моей комплекции, если только им не нужно что-то конкретно. Квартиру не получит, до последнего буду говорить, что мама в больнице и есть тётя… как её там, Марта, кажется. Вот!

Что же тебе надо от меня, Аполлон?

Расстояние между нами всего два шага, но они вдруг показались бездонной пропастью и в то же время невыносимо малым. В комнате повисла гнетущая тишина.

Он смотрел. Не сводил с меня глаз. И в его взгляде не было насмешки или осуждения. Было изучение. Любопытство? Спортивный интерес! Как же я сразу не догадалась! Профес-

сиональный интерес, так правильнее.

Неуютно стало. Код на комп поставить и дать ему ключи от квартиры.

— Ты обещал никого не водить.

— Ни в коем случае, — ответил парень, продолжая «лизать» меня взглядом.

И я чувствовала этот взгляд на своей коже, как прикосновение, от которого по спине побежали мурашки, несмотря на жар, исходивший от моего разгорячённого тела.

Его губы тронула едва заметная загадочная улыбка, не коснувшаяся глаз. Он сделал неуловимое движение – не шаг вперед, а скорее легкое смещение центра тяжести, словно невольно сокращая это мучительное, наэлектризованное расстояние между ними. Его палец слегка дрогнул, словно собираясь протянуться, но не протянулся.

— Лекса... — произнёс Аполлон, наконец, и его голос зазвучал ниже и тише, предназначался только для меня в этой внезапно сжавшейся вселенной.

И фразу он не закончил. Просто произнёс имя, и оно прозвучало в тишине как признание или вопрос.

Этот незаконченный вопрос, моё имя на его губах, влажный блеск его глаз в полумраке комнаты – всё это создавало неловкую, почти интимную близость, которой явно не должно было быть

Я почувствовала, как что-то внутри дрогнуло, сжалось от этого странного напряжения. От этого взгляда.

Пауза затянулась. Она длилась всего несколько секунд, но показалась вечностью. Вечностью, наполненной невысказанными мыслями, смущением, остатками ревности и внезапным, острым осознанием того, что мы слишком близко, и мы спали вместе.

— Удобная, — пробормотал он в тишине, явно не имея в виду футболку. — Волшебная.

— Герань и балкон. Мне на работу сегодня, так что, ухожу, — я опустила взгляд.

— Я тоже уезжаю. Так ты согласна?

— Давай, попробуем, — я обошла его стороной и вернулась в гостиную.

Мне нужно было подмести балкон, поставить выжившую герань в стаканчик, пусть даёт корешки, и подмести.

Мысли путались, я спешила. Я хотела побыстрее уйти, лишь бы не сталкиваться с ним больше. Он волновал. Это неприятно остро!

Интересно, как он "меня похудеет"? Дневник мой тоже заинтригован. Буду все заумности туда записывать, пусть мои толстые подписчицы тоже скинут восемнадцать килограмм. Буду худеть онлайн.

И тут...

Дзынь-дзынь-дзынь!

Внезапно раздался резкий, настойчивый звонок в дверь. Меня передёрнуло.

Никого я не ждала. А надо было ждать теперь сюрпризов,

ведь у меня в квартире поселился Аполлон Серов.

****

Я вздрогнула.

«Хватит!» — кричало все внутри. — «Хватит гостей, сюрпризов, падающих с балконов Аполлонов и зеленых апокалипсисов на кухне!»

Мне нужно было уходить. Это первый рабочий день! Меня ждали в отделе кадров, я опоздать не могла!

Аполлон кричал из кухни:

— Лекса! Дверь! Это, наверное, для меня! Я заказал свежую спирулину и кедровые орешки для баланса чакр в омлете!

И загоготал. Не могла понять, где он шутит, а где на полном серьёзе. Никаких чакр не хватит жить как на вулкане.

Звонок повторился громче, требовательнее.

Я, потерпев поражение в битве за право на покой, поплелась к двери, отбросив веник.

Не успею в любом случае уборку сделать, тут надо конкретно готовиться.

Я, не глядя в глазок, недовольно открыла дверь и застыла на месте. На пороге стояли двое.

Мужчина. Высокий, темноволосый, с чертами лица, напоминающими… Аполлона, но высеченными из гранита, а не из мрамора. Острые скулы, холодные серые глаза, идеальный строгий костюм, который, казалось, излучал ауру богатого богатства и успешного успеха, ну и лёгкого презрения

ко всему происходящему. Он стоял в дверном проеме, как воплощение порядка в моём хаотичном мире. И я его почему-то боялась. Это из-за костюма? Как часто ко мне приходят мужчины в такой одежде?

Правильно – никогда.

За спиной статного незнакомца стояла знакомая соседка, бабушка Лида с третьего этажа. Ее лицо было пунцовым от негодования, а в дрожащих руках она сжимала... пустой глиняный горшок с ободранными краями. Лида указала пальцем куда-то за мою спину, ее голос дрожал от ярости:

— Вот она! Моя бедная, моя любимая герань! Украдена! Прямо с моего подоконника! И я знаю кто это сделал! — Она перевела яростный взгляд на меня. — Твой новый... этот дурной циркач! Я видела, как он вчера вечером ползал по балконам и ходил по двору с цветком! А сегодня утром – о ужас! Моя герань пропала! И я проследила! Я видела, как он занес ее туда! — она тыкала пальцем над плечом невозмутимого незнакомца. — В твою квартиру, Алекс! Отдай вора! И мою герань!

Господи, какой позор!

Я медленно обернулась, следуя за пальцем Лиды. На столике у зеркала в моей крошечной прихожей действительно стоял пышный цветущий куст герани в красивом керамическом горшке. Он выглядел таким беззаботно-невинным, как будто всегда там рос. Хотя герань была спёрта из одного горшка и сунута в другой. Я подозревала, что можно ждать

владельца горшка, раз за цветком уже пришли.

— Роман, — представился темноволосый мужчина холодным, ровным голосом, игнорируя истерику соседки. — Старший брат Аполлона. — Он едва заметно кивнул, его взгляд скользнул по моему лицу, не выдав ни единой эмоции на своём непроницаемом, как сейф, лице. Затем Роман заглянул в квартиру, явно оценивая масштабы разрушений и улавливая странный запах. — Мне сказали, что мой брат... задерживается здесь. Вместе с флорой соседних территорий. Где он?

В этот момент из кухни вывалился сам виновник. Предстал во всей красе: в моей розовой футболке, забрызганной уже не только молоком, но и зеленым эликсиром. Уборка видимо шла полным ходом. С дымящейся тарелкой «Супер-Омлета Силы» в одной руке и шприцем со слизью в другой.

— Рома! Привет! — просиял Аполлон. — Ты приехал! Отлично! Попробуй мой завтрак! Полный детокс и сила! — Он протянул дымящуюся тарелку брату, затем заметил соседку. — О, бабуля! Здравствуйте! Любуетесь моим подарком Лексе? Я же вчера говорил – моей девушке нужно больше зелени и цветов для гармонии! Ваша герань была такой... одинокой на подоконнике! А тут – любовь! Я просто перенес ее в более благоприятную ауру! Это же благое дело!

— Перенёс?! Украл! Мерзавец! Разбойник! Верни мою герань сию же минуту! — крикнула соседка, задыхаясь от ярости.

— Это не закончится. Никогда, — будто предупредил меня Роман.

— Простите, тётя Лида, вот ваша герань, — на грани слёз прошептала я, и вернула соседке её цветок.

— Это не мой горшок, — с сочувствием, еле слышно сказала Лида. Она оторвала от своего цветка черенок и дала мне вместе с украденным неизвестно у кого горшком.

Роман посмотрел на брата, потом на герань, потом на тарелку с зелёным омлетом. Его ледяное лицо не дрогнуло, но в глазах мелькнуло что-то среднее между раздражением и привычной усталостью.

Соседка ушла, я вынуждена была посторониться, потому что мужчина напирал, чтобы войти в помещение. Я хотела бы остановить, но решила не связываться. Может, этот Рома сейчас заберёт своего брата и… И я вернусь к обычной жизни.

Какой ужас!

— Собирай свои аварийные запасы, Полли. Ты уезжаешь. Сейчас!

Такой голос у этого Ромы, что я направилась в кухню, быстрым шагом, лишь бы перед ним не отсвечивать.

— Как ты меня нашёл? — уже не паясничая и не устраивая клоунаду, а с раздражением поинтересовался Аполлон, оставляя тарелку и шприц в покое.

В этот момент я встала вкопанная на кухне…

На кухне было чисто. Осталось только пол вымыть, в

остальном Аполлон справился с уборкой на ура.

— Я нашёл тебя по машине! Идиот! Кто такую тачку бросает в спальном районе?! Отдай ключи от квартиры. Мамины ключи. Ты лишился права на них, когда вчера вечером устроил тот перформанс с клубничным тортом в гостях у родителей. На глазах у гостей! Ты оскорбил не только их вкус, но и их терпение. До глубины души. Ключи! Сейчас.

Аполлон поморщился, как провинившийся щенок, но не спешил рыться в кармане.

Ворчливо ответил:

— Это был не перформанс, это был экспресс-семинар по гармонии питания! И торт был суперфудовый! Где-то... А ключи... они точно нужны? Я же почти ими не пользуюсь...

— Ключи! От квартиры, — чётко, как автомат, выпалил Роман. — Он сделал шаг вперед, его тень накрыла Аполлона. — И ключи от машины. Отцу пришлось вызывать эвакуатор, чтобы вытащить твою «Аполлонову колесницу» из фонтана у клуба. Ключи от "спорта"! Я не дам тебе угробить ещё одну машину. Оба комплекта.

Наблюдая за нарастающим напряжением уже думала вмешаться, но просто фантазия так ярко мне представила: Аполлон устроил дебош с тортом у родителей и утопил машину в фонтане. А потом здесь, у меня, с балкона упал. Боже, он как ураган в человеческом обличье!

Аполлон, поддавшись давлению, с видимой неохотой полез в карман джинсов, которые повесил вместе с курткой на

моей вешалке.

— Полли, мать зачем так? — спросил его старший брат.

— Зачем она Ингу оскорбила?

— Инга не её дочь.

— Это не причина, Инга больна серьёзно.

— Будут не свои дети, посмотрю на тебя. Дядек всех до единого оскорбил: Лёху, Семёна, Ивана, Сергея и даже Диму.

— Диму не помню, как оскорблял, — отмахнулся Аполлон. — Ключ от квартиры в чемодане. Чемодан мой… Он у Лизки. Её здесь. — Аполлон вытащил два брелока, протянул их брату, но в последний момент его рука дрогнула. С внезапной детской обидой, прошептал, — машину не отдам. Без машины как я буду перевозить свои аварийные запасы и девушку свою новую?

Рома вымученно закатил глаза, потом посмотрел на меня.

— Вам с девушкой явно полезно пешком ходить. Ключи!

И тут случилось нечто странное. Аполлон, словно озорной божок, резко дернул рукой! Ключи звонко звякнули, но остались в его ладони. И прежде чем Роман успел среагировать, Аполлон вырвался и, ловко извиваясь, рванул в сторону гостиной! Не к двери, не в спальню, а именно на балкон!

Я в ужасе закричала, нарочито толстым боком толкнув Романа к двери, чтобы его опередить:

— Нет! Не прыгай снова!

Но Аполлон не прыгнул. Он выскочил на балкон, захлоп-

нул за собой дверь и встал спиной к перилам. Он держал ключи перед собой, как щит, а его обычно сияющее лицо было упрямо серьезным. И через стекло балконной двери закричал:

— Не отдам! Это нечестно! Я исправлюсь! Я испеку вам новый торт! Из грибов, чтобы вам, твари, было весело! И выучу правила дорожного движения! Настоящие! Но ключи не отдам! Они нужны мне!

Ледяное спокойствие Романа дало первую трещину. На лбу выступила жилка. Он шагнул к балконной двери.

— Полля, хватит дурачиться! Открой дверь и отдай ключи! Сию же минуту!

— Он спрыгнет, он так вчера ко мне на балкон попал, — предупредила я, и загородила незнакомому мужчине дорогу.

— Пошла вон, корова, — сорвался на меня гость.

Я опешила.

Мужчина в дорогом классическом костюме. Это же не просто человек, это ходячая визитная карточка успеха, элегантности и, видимо, очень тонкого вкуса. Каждый стежок кричал: «Я разбираюсь в прекрасном! Я – эталон стиля и манер!» И вот этот ходячий Гуччи открывает рот... и произносит: «корова».

Бац!

Контраст между обёрткой и содержимым достиг космических масштабов. Ожидала изысканного аристократического этикета или сарказма патриций? Получи сельскохозяйствен-

ный термин. Корова – это оскорбление из народа, для народа. Оно грубое, приземлённое, лишённое лоска. Его сила в примитивной прямолинейности. Человек в таком костюме! Антисноб, который выдал оскорбление уровня «сам дурак», но в сельскохозяйственном ключе.

Великолепно! Единственной адекватной реакцией могло быть либо гробовое молчание, либо истерический хохот. Но я решила ответить.

— Слово «корова» вылетает, когда маска сползает, обнажая банального хама. Эффектно! Возможно, у вас был очень плохой день. Но так как он только начался, то вряд ли, — прошептала я.

Видимо на моём лице было написано чуть больше, чем я могла позволить себе сказать. Обычно нелитературные термины можно пустить субтитрами по своему лицу, если мимика хорошая.

Роман приосанился, опустив на меня взгляд:

— Сегодня сдержанный лексикон уже был использован на предыдущих встречах. От безысходности и творческого выгорания, Алексия.

Ага-ага. Вместо запланированного «Вы ослепительны, дорогая!» вырвалось первое слово из словаря деревенского детства. Костюм не виноват, виноват баг.

А может он тайный зоолог! Это было не оскорбление, а комплимент в его уникальной системе ценностей! «Алекс, ты просто великолепная корова! Такая статная! Такие духов-

ные удои!»

— Главное – не замычать в ответ, сохранив достоинство. Хотя, одно мычание, произнесённое с должным презрением, могло бы поставить жирную точку в присутствии чужой фауны на моей территории.

— Что?! — кричал через стекло Аполлон. — Что ты там сказал? Ты Лексу оскорбил?

Я привыкла, у меня броня! Прищуривая глаза, зло глянула на гостя, закрыла дверь, чтобы безумный божок не влез в конфликт.

— Его ключи! Его нелепые завтраки и украденная герань. Это мой хаос! Моя внезапно появившаяся, неудобная, абсурдная, но моя ответственность! — говорила громко, резко, перекрывая грохот дергающейся двери. — И я не корова! Я – человек.

— Вряд ли, судя по твоей квартире. В таком бардаке может жить только скотина, и безумный шляпочник.

Роман отвернулся. Его взгляд, полный недоумения и раздражения, упал на мой диван.

— Убирайся! Это моя квартира. — Я сделала шаг вперед, голос окреп. Махнула рукой в сторону Аполлона, который смотрел на меня сквозь стекло с немым вопросом. — Это мой Аполлоша – безумный шляпочник. Он поселился здесь через балкон, испортил кухню, украл герань у Лиды, но он – мой бардак. И я с ним разберусь. Сама. Без выламывания дверей и конфискации ключей.

Наступила гробовая тишина. Аполлон за балконом медленно разжал руки. Ключи сверкнули на солнце. А его брат стоял и не двигался. Каменное лицо выражало крайнюю степень недоумения и что-то похожее на омерзение. Посмотрел на меня, как на гуано, так говорил Аполлон, или на коровью лепёшку, потом на брата за стеклом, потом снова на меня.

— Твой Аполлоша? — Он произнес это слово так, словно впервые услышал термин из другой галактики. Улыбнулся кривой ухмылкой.

— Да. Я беру ответственность. Торт могу вам испечь, я – кондитер.

— Заметно.

— Не язвите. И прежде, чем, — мой голос дрогнул, — оскорблять человека или грубо шутить над ним, подумайте, что вы можете чужую душу ввергнуть в депрессию и оставить на грани самоубийства или «шляпочного» безумия. Он вернёт вам этот ключ!

Роман кинул на меня долгий, оценивающий взгляд. Медленно выпрямился, расправил плечи, поправил идеальный галстук.

— Нет у тебя никакого Аполлона. Он через час от тебя уедет и не вернётся. Девушка с такой недвижимостью и “движимостью” не может ему нравиться даже ради спортивного интереса. И вас у него тысячи, даже имена не запоминает.

Развернулся и ушёл. А вышел из квартиры, закрыв дверь с мягким щелчком.

Я стояла, слушая, как затихают его шаги в подъезде. Потом медленно подошла к балконной двери и открыла её.

На его безупречно красивом лице отражалась боль глубокая, отчего появились морщины на лбу.

— Я тебя называю Лекса, потому что ты точно не Лекс, как я не Полли. А Рома – чмо.

— В двадцать четыре года можно уже повзрослеть, — с претензией заявила я, смахнув с глаз слёзы обиды.

Оскорбили!

Опять.

— Посмотри на меня, я младше тебя, но взрослая, — продолжила говорить строго.

— Ты взрослая?! — Аполлон хмыкнул болезненно и поднял на меня влажные глаза, заметно борясь со злобой.

— Да! Я живу одна, сама себя обеспечиваю.

— Я тоже сам себя обеспечиваю, но машину не отдам. А ты не взрослая, а плаксивый ребёнок, заедающий свою "взрослость".

— Ты хочешь меня обидеть? Мало мне твоего брата?! — я резко отобрала у него брелок с ключами.

— Я хочу сказать, что в этой квартире взрослая только твоя сковородка.

— Тогда мы будем вместе взрослеть.

Я вернулась в комнату, закинула на плечо сумку и побежала догонять мерзкого Рому.

Двум завтракам не бывать, одного не миновать

Схватив сумочку, ключи и… Маленькую такую пачку печенья, я выскочила из квартиры. В подъезде пусто, но где-то внизу стукнула тяжёлая входная железная дверь.

— Нет, — эхом разнеслось по лестничной клетке.

Я, забыв о своём весе и одышке, бросилась вниз по ступенькам. Хорошо, что кроссы надела, а не туфли. Похоже, Рому не догнать. Ну, и пусть остаётся без ключей и машины.

И тут сверху раздался громоподобный бодрый голос:

— Лекса! Куда ты? Зарядочка? Оптимальное время для кардио! Утро – это святое! Но завтрак важнее!

Я обернулась. По ступенькам, легко перепрыгивая через две, нёсся Аполлон.

— Аполлон! Работа! Опаздываю! Отстань! — крикнула ему, пряча печенье в сумочку.

Мне было перед ним стыдно.

— Опаздывать – плохая привычка! — он догнал меня между вторым и первым этажами и подхватил под руку с лёгкостью, не свойственной человеку обыкновенному, только человеку накаченному. — Но знаешь, что ещё хуже? Пропускать завтрак! Он запускает метаболизм! Пропуск завтрака приводит к депрессии, учёные уже всё выяснили. Из-за это-

го люди чаще сталкиваются с психическими расстройствами и быстрее толстеют из-за нарушения режима питания и переедания в течение дня. Также завтрак помогает восполнить силы после сна, улучшить память и концентрацию.

Я попыталась вырваться, но Аполлон был непоколебим, как скала. Он прижал меня к стене подъезда.

Пахло свежестью, что залетала в приоткрытое окно и, кажется, творогом.

— Послушай меня, Алексия, — его голос стал низким и убедительным, как у гипнотизёра. Его взгляд проникал глубоко внутрь, минуя все слои утреннего стресса и недосыпа. — Ты можешь измениться. Ты должна измениться. Я вижу в тебе потенциал! Ты сильная! Ты прекрасная! Ты...

Я замерла, ошеломлённая этим потоком мотивации с утра пораньше ещё и в грязном подъезде. Печенье в сумочке вдруг показалось таким жалким, таким неправильным.

Может, он прав? Может, начать с завтрака? С зелёного омлета…

И тут Аполлон сделал это. Он замолчал.

Но не отступил. Обнял меня. Медленно, но крепко. Как будто хотел защитить от всего мира, от злых печенюх и братьев. Я почувствовала, как моя щека прижалась к его футболке… моей футболке.

Нет, Аполлон! Нельзя так… Ты слишком прекрасен, тут же никто не устоит.

Его руки сильные, тёплые, с выступающими под кожей ве-

нами обхватили талию с решимостью… Талия имелась, по крайней место, которое она должна была занимать, серьёзно так выделялось между верхней частью тела и бёдрами.

Аполлон, не оставляющий шанса для возражений, притянул меня к себе легко, почти без усилий, но так крепко, что из лёгких вырвалось короткое:

— Ох!

Объятия были не просто крепкими, они были всепоглощающими. Его тепло, исходившее от разгорячённого после пробежки по ступенькам тела, окутывало, как плед в холодный день. Сквозь тонкую ткань футболки ощущались мышцы его груди и плеч, такие твёрдые, нерушимые, странным образом успокаивающие.

Я , притаившись, замерла, парализованная этим внезапным вторжением в моё личное пространство. И странным, давно забытым ощущением безопасности в его руках.

А потом без вопросов и предупреждений он наклонился. Его губы коснулись моих. Они были мягче, чем я ожидала, но настойчивее. Сначала это было просто прикосновение, дарящее трепет – тёплое, влажное, неожиданное. Затем давление усилилось. Его рука легла мне на затылок, пальцы запутались в моих растрёпанных волосах, притягивая ближе.

Я исчезла…

Прямо здесь под пыльной лампочкой. Поцелуй был неожиданным. Влажным, со вкусом имбирного чая и безумной веры в моё «прекрасное будущее».

Я задохнулась. Не от поцелуя. От того, что человек, который вчера забрался ко мне на балкон, а сегодня пытался накормить зелёной жижей, теперь целует в подъезде, пока я опаздываю на работу с калорийным печеньем на сливочном маслице в сумочке.

В мозгу замигал синий экран.

Это был не просто поцелуй. Это было потрясение. Ощущение чужих губ настоящих, живых, а не из снов или неудачных свиданий многолетней давности. Пробудило во мне что-то давно спящее и изголодавшееся. Волна тепла прокатилась от губ до самых кончиков пальцев ног, согревая изнутри. Я не целовалась, казалось, целую вечность.

****

Физическая близость? Для меня стала абстракцией, чем-то далёким, почти мифическим. А тут … Аполлон. Грубая реальность.

Ощутила, как мои собственные губы, вопреки всем внутренним протестам и утренней спешке, ответили на поцелуй. Сначала неуверенно, робко. Потом жадно, словно я пила воду после долгого перехода через пустыню. А руки, беспомощно висевшие вдоль тела, сами собой поднялись и легли на широкие плечи, ощущая под ладонями напряжённые мышцы и такую желанную твёрдость. Его крепость и моя мягкость. Шероховатость его щеки. Нежность его пальцев в волосах.

Его чистый, мужской запах с нотками пота, правильного

питания и запаха моей постели – ароматизатора для тканей. Теперь Аполлоша одомашнен.

Всё это вызвало глубокий, животный отклик тела, сметающий все рациональные доводы. Ошеломляющее чувство близости, которого мне так не хватало. И в то же время фоновое шипение тревоги.

Что я делаю? Это же тот, кто вчера забрался на балкон! Опаздываю! Это безумие!

Время в грязном, пахнущем сыростью и старыми газетами подъезде остановилось. Мир сузился до точки соприкосновения губ, тел, переплетенных рук. Шум города за дверью, крики детей во дворе, тиканье моих внутренних часов, отсчитывающих минуты опоздания, все это отошло на второй план, заглушенное громким стуком встревоженного сердца и тихим довольным вздохом Аполлона.

Он приподнял голову всего на сантиметр, прервав поцелуй, но не отпуская меня. Его глаза, теперь были тёмными, горели не только фанатичным огнём тренера, но и чем-то более примитивным, мужским, удовлетворённым.

— Так лучше? — хрипло прошептал он, и его горячее дыхание коснулось моей разгорячённой кожи. — Энергия. Желание. Ты можешь чувствовать себя так всегда. Не только в моменты, когда ты бежишь на работу.

— А вы точно фитнес-тренер?

Я дышала часто, прерывисто, чувствуя, как горят щёки. А губы пульсировали. Тело помнило каждое прикосновение.

Разум кричал: «БЕГИ!», но ноги отказывались слушаться. Я стояла, прикованная к месту этими объятиями и шоком от собственной реакции.

Единственное, что могла сделать – это уткнуться лбом ему в грудь, пряча растерянное, разгорячённое лицо и пытаясь собрать по кусочкам свою утреннюю рутину и здравый смысл, которые разлетелись вдребезги от одного дерзкого поцелуя.

Аполлон отстранился, сияя, как победитель:

— Ещё какой! Вот видишь? Это только начало, Лекса! Я сделаю из тебя богиню! Сначала завтрак. Потом пробежка. Потом...

Я посмотрела на свою сумку, таящую лишние калории. Посмотрела на его сияющее лицо. Посмотрела на дверь подъезда, за которой был мир, работа и, возможно, спасение. Впервые за долгое время почувствовала желание… И оно было многогранным, хотелось не только похудеть, бежать, летать, парня хотелось прямо сейчас, будущего разного, красивого и яркого.

Я глубоко вдохнула и звучно выдохнула, очень медленно.

— Аполлон, — сказала с ледяным спокойствием, от которого даже он слегка помрачнел. — Если ты сейчас же не отпустишь меня, я…

— Ну?

— Вызову полицию… И…

— О, нет! Лекса!

— Расскажу, как ты вчера проник ко мне через балкон. Договорились?

Я легонько ткнула его пальцем в грудь. Глаза Аполлона расширились. Он был подавлен…

Тут что-то происходило. Я не психолог. Он либо вообще упоротый, либо у него серьёзные психологические проблемы. Лишь бы не психические. Хотя возможно.

Буду разбираться.

И… Как вообще этот нежный, сладкий поцелуй воспринимать? Попытка помочь мне или себе? Бывают такие люди, которые, чтобы самостоятельно продержаться на плаву, начинают активно заниматься и помогать другим. Вот как бы я начала худеть, но при этом ни одна, а в роли наставника…

А это мысль!

Мой дневник будет дневником похудение.

Аполлон отпрянул.

— Я пошутила, — еле слышно, таким же ледяным голосом сказала парню. — Запасной комплект ключей висит во встроенном шкафу, справа.

— До вечера, моя Алекса!

— Ага… До вечера, мой наставник.

Я спустилась. Убедившись, что он на меня не смотри, сунула руку в сумку и достала печеньку.

Преступление против тела? Возможно. Но пока это был единственный понятный акт маленького утреннего бунта против Аполлона, поселившегося в моём сердце.

****

Я вылетела из подъезда, как пушечное ядро. Сердце все еще бешено колотилось от поцелуя и мыслей, что я жёстко опаздываю. Волосы торчали во все стороны, на ходу пришлось приглаживать. Такое чувство, что не целовалась, а пальцы в розетку сунула. Жуя печеньку, бросилась через двор, где царила утренняя обыденность.

Два карапуза с серьёзными лицами лепили куличики из песка, щедро приправленного шерстью местного кота. Бабушка Лида с балкона, где вид на весь мир, пила чай из гранёного стакана. А на лавочке бабульки обсуждали цены на картошку и наглость нынешней молодёжи, которая «целуется в подъездах, как в кино!»

Отлично просто! «Я в телевизоре». Прославилась мгновенно.

Унылая очередь алюминиевых солдат, источающих аромат вчерашнего борща и надежду на вывоз, я обошла мусорные баки стороной.

Там, где замерли безвылазно «Жигули» образца каменного века и «Лада Калина» с поцарапанным крылом, припарковалось нечто.

Это была машина… Да? Но не просто машина. Это был шедевр автопрома в огненно-красной упаковке. Длинный капот блестел, как только что вылизанная кошка, под софитами автосалона. Линии кузова струились, как сироп по блину, обещая скорость, роскошь и долги из-за страховки. Дис-

ки – хромированные монстры сияли. Естественно никто не хотел такую дорогую игрушку вытаскивать из фонтана.

Контраст достиг космических масштабов.

Растрёпанная я, в балахоне-мешке, с печенькой в руке и с лицом, на котором явно было написано, что там на лавочке обсуждают правду про подъезд и поцелуи. И машина: безупречная, сияющая, дорогая до рези в глазах, воплощение скорости, стиля и того, что «у её владельца явно нет проблем с опозданиями и печеньем на завтрак». Но есть проблемы поглубже, но ему всё сходит с рук…

Двор, где песок с кошачьими сюрпризами, бабушки, «Жигули», мусорные баки. Реалистичная картина, в которой материализовалась тачка прямо из рекламного ролика или из фантазий мажора-подростка. Она выглядела здесь также уместно, как павлин в курятнике.

Я застыла как вкопанная. Мой мозг, и без того перегруженный утренним адреналином и поцелуем Аполлона, дал сбой.

— Вау. Красивая, — зеваки собрались.

Никто видимо никуда не спешил, когда во дворе такая машина.

— Это чья?

— Это к Лёхе-толстухе мажор вчера залезал.

— А, точно, видел. Он паркурщик, по балконам ползал.

— Нормальная девка – грудь по десять литров бидон. Я б вдул.

— Чтобы этим бидонам вдуть, надо на такой точиле ездить…

Я медленно отошла от местных алкашей.

Кажется моя популярность начала меня пугать.

Ладно, какая разница!

Побежала дальше, оставив во дворе: изумлённых бабушек, детей, равнодушных к гламуру и огненно-красный символ чужой, недосягаемой жизни, как инопланетный корабль, случайно приземлившийся на картофельном поле.

Это был не бег. Это было олимпийское многоборье в тяжёлых жизненно-природных условиях . Под ногами собачьи «сюрпризы» разбитая плитка, коварно подставленные корни деревьев и бабушка с тележкой, передвигающаяся со скоростью растущего кактуса. Я ныряла, прыгала, пищала и чувствовала себя неуклюжим танком на минном поле.

А жрать хотелось дико! Не есть, прошу заметить. Голод проснулся сумасшедший, и пачка печенья улетала на глазах.

Вид на остановку обнадеживал. Как раз подъезжала спасительная маршрутка. Но радоваться было рано, остановка представляла собой поле битвы. Студенты с рюкзаками размером с холодильник, бабушки с сумками-тележками, готовые сбить с ног любого на пути к сиденью, мамы с колясками-внедорожниками и парочка подвыпивших товарищей, философски обсуждавших курс евро.

Собравшись с последними силами, рванула вперёд. Мой балахон развевался, как знамя отчаяния. Бидоны на десять

литров подпрыгивали как мячики, что способствовало удалению конкурентов в виде студентов, которые на меня заглядывались.

Я видела, как двери маршрутки начинают медленно и неумолимо закрываться. И, будто лосось во время нереста, протиснулась в узкую щель, проникла в салон.

Но дальше – хуже!

Это была не поездка, а консервирование в условиях невесомости и жуткого запаха.

Оказалась зажатой между студентом, чей рюкзак давил на почки, и мужчиной, который наглядно демонстрировал, почему дезодорант – великое изобретение. Моё лицо было прижато к стеклу, на котором кто-то когда-то нарисовал смайлик пальцем. Я могла дышать только ртом, да и то чужим воздухом.

Водитель, явно бывший каскадёр или гонщик «Формулы-1», вёл маршрутку так, словно хотел стряхнуть с неё лишних пассажиров на поворотах. Я раскачивалась, как маятник, то утыкаясь лицом в студенческий рюкзак – «О, учебник по квантовой физике!», то отлетая к мужику – «О, лук и перегар!»

Трек-лист, раздающийся на весь салон включал в себя хриплое радио с попсой десятилетней давности, плач ребёнка в коляске-внедорожнике, спор двух бабушек о том, кто кому наступил на ногу, и ритмичное постукивание моих собственных зубов от тряски.

Я закрыла глаза. Мысли неслись вскачь:

Почему не попросить в следующий раз Аполлона подбросить меня до работы. «Аполлон. Этот ураган! Пришелец с балкона, посетитель фонтана. Если он сейчас позвонит и спросит: «Как утренняя кардио-зарядка?» – я выйду из маршрутки на полном ходу.

Нет-нет, нельзя влюбляться. Нельзя! Потом будет очень больно. Страшно больно. К тому же может у него такая методика для похудения – соблазнение своих подопечных. Может поэтому и хорошо зарабатывает, потому что альфонс.

Маршрутка резко затормозила, и я по инерции врезалась в студента.

— Мне нужно выйти! — выдавила я, отчаянно пробираясь сквозь плотную стену тел к выходу.

Этот маршрут шёл через дальние районы к центру, так что легче не станет. Но хорошо, что мне выходить именно в глуши.

Я вывалилась на тротуар, как выброшенный на берег дельфин. Выпрямилась, отряхнула балахон.

И в этот момент зазвонил телефон. На экране: «Мошенница».

Мне надо было удалить номер, как только эта женщина появилась в моей жизни. Но я не сделала этого. Некая тётя Марта сообщила, что реально моя тётя. Мама скрывала от меня всю жизнь, что существует отец и семья отца.

Но с моей стороны всё верно: я мамой научена не доверять

людям. Я одна, у меня есть квартира, которую... Весь мир хочет отжать! Теперь этот бред из меня не выдавить.

Я даже с Аполлоном не могла расслабиться… Хотя именно с ним и нельзя расслабляться.

— Да, — ответила я.

— Алекса, девочка, это тётя Марта…

— Сколько вам говорить, нет у меня никакой тёти Марты.

— Я не желаю тебе зла. Давай просто встретимся, посидим.

— Нет.

И отключила звонок.

Теперь быстро и целеустремленно шла по улочке, что тянулась вдоль частного сектора. Дальше перелесок и промышленная зона, где стояла пекарня.

И тут опять звонок. Я ответила.

— Лекса! Как дела?!

Чуть не разрыдалась от его бодрого, полного сил голоса. Господи, какое счастье, что он появился в моей жизни! Чем бы я занималась? Мы же не обменивались номерами телефонов, а ещё я забыла код поставить на свой комп, трусики кинуть в стирку… Позорище свалившееся на меня, придавившее и расплескавшее все мои чувства.

Мне так… Мне так эмоционально-запредельно никогда не было.

Если щи хороши, других не ищи

— Как кардио? Чувствуешь прилив сил? — И опять Аполлон смеялся. Вот не понимала я его. Издевался он надо мной или нет? — Не забывай, вечером групповуха... эм, у нас первая групповая тренировка! Жду в семь вечера! Не опаздывай! И... бросай это печенье. Я прочитал состав, мне дурно стало.

— Зато мне хорошо. А вот от маршрутки плохо, не отошла пока, — пытаясь продышаться, бежала вперёд.

— Я продукты подкупил, заказал электрика. Начнём ремонт. Окей?

— Угу. На оплату комнаты денег нет, а на электрика есть.

— Пупс! Тебе нужны деньги?

— Они тебе нужны, раз ремонт затеял.

Я недолго наслаждалась запахом листвы и свежего воздуха, вскоре показались ангары. Дороги между ними не были заасфальтированы, но мне нужна была именно с асфальтом, я её быстро нашла.

Впереди, как маяк в бушующем море утра, сияла вывеска: «Пирожок». Но это была не просто пекарня. Это был почти хлебозавод. И запах на всю округу стоял умопомрачительный. Выпечкой! И стекались туда тени промзоны.

Аромат с каждым шагом становился всё сильнее. Сладкий, пьянящий, с нотками свежеиспечённого хлеба, ваниль-

ных булочек и… кажется, жареных пирожков с капустой. От него сердце билось чаще не от усталости, а от предвкушения углеводного блаженства.

— Зайти? Купить?

— Крепись! — ответил Аполлон. — Надо бы минералку с собой носить. Яблоко тоже ничего.

— Вот и куплю. Яблоко в тесте.

Я слушала парня, терялись его слова. А у хлебозавода продавали выпечку. Я шла мимо собравшейся толпы, казалось бы в пустых лабиринтах промзоны.

— Белый хлеб, вчерашний, два! — крикнула женщина в рабочем халате, в начале очереди продавщице за прилавком, заваленным горой румяных буханок, булками и пирамидами пирожков.

— Пирожки с вишней есть? — нервно спросил мужчина в комбинезоне.

— А мне слоёную с яблоком! И чтобы не примятая!

Я прошла мимо, почти закрыв глаза, и дыша ртом.

— Я упаду в обморок, — заныла я в трубку.

— Не-ет, пупсик. Если ты сломтила ту пачку печенья, что лежала в прихожке, то от голода ты точно не умрёшь.

Я уже видела его: идеальный, ещё тёплый пирожок. С хрустящей золотистой корочкой, из-под которой вот-вот потечёт сладкая вишня или сочная капуста. Пышущую жаром булку, усыпанную маком, как звёздное небо для сладкоежек. Кусочек свежайшего ржаного хлеба, такого плотного и аро-

матного, что одним его запахом можно насытиться.

А потом взгляд упал на витрину. Там, среди пирожных-зануд и пончиков-весельчаков, лежал он. Пирожок с яйцом и зелёным луком. Совершенный. Безупречный. Моя судьба в тесте.

— Пол, — простонала я.

— Лекса, держись! Твоя жертва не напрасна.

— Ты дал мне силы добраться сюда. Но… прощай. Меня ждёт Истинная Любовь. С пылу, с жару. И с большим количеством лука!

— Пупсик, нет!

С лёгкой грустью, но без всяких угрызений совести, отключила звонок и встала в очередь.

Теперь мои руки были свободны. Для главного приобретения дня. Для Пирожка Спасения. Для углеводного утешения перед отделом кадров, вечерней тренировкой с идеальным парнем всех девичьих мечт. Всё остальное могло подождать. Даже работа. Ну, на пять минут. Максимум – на десять.

****

А дальше пекарня «Пирожок». Большая такая. Завод настоящий!

Просторные чистые помещения, залитые мягким золотистым светом утреннего солнца, проникающим сквозь большие окна. Стены белые, пол выложен терракотовой плиткой.

Массивные стойки, за которыми выстроились ряды свежевыпеченных хлебов, булочек и пирогов.

Такой аромат!

Я шла по коридору, за стеклом наблюдая за работой пекарей. И проплывали мимо меня: багеты с хрустящей корочкой, пышные круассаны, посыпанные сахарной пудрой, и румяные яблочные пироги, аппетитно пахнущие корицей.

Работники в белых фартуках и кепках молодые в основном, улыбались и смеялись. Они слаженно двигались между столами, раскатывая тесто, формируя булочки и отправляя их в печь. И не было в них излишнего веса.

Атмосфера такая тёплая и гостеприимная!

Я прошла от цеха к офисам. На входе тяжёлая дверь, украшенная медной табличкой с гравировкой названия завода – «Пирожок».

Впереди коридор, ведущий к рабочим местам сотрудников. По обеим сторонам расположены кабинеты, у которых двери и стенки из обычного или матового стекла.

Отдел кадров напоминал не комнату, а холодильник для надежд. Кондиционер гудел, как расстроенный шмель, а женщина за столом – кадровичка с лицом полным недовольства. Она разглядывала меня так, будто я принесла не резюме, а испорченный пирог с селёдкой.

Мне так жаль… Мне так больно. Я слабачка... Не могу сдержаться. Но думаю пирожок с яйцом и луком роли особой не сыграл. Тут всё сложнее.

— ...и поэтому, учитывая специфику должности , — вещала вредная женщина своим монотонным голосом, — нам требуются сотрудники с подходящими физическими параметрами. Беготня с документами, коробками, работа в цехе не сидячая, этажи, — её тяжёлый оценивающий взгляд скользнул по моей фигуре в мешковатом балахоне. — У вас просто ног не хватит, милочка. К концу дня вы будете валиться. Здоровью конец. И потом – опоздали на полчаса! Это несерьезно.

Я стояла, чувствуя, как жар стыда и гнева поднимается от шеи к щекам. Вес в сто килограмм вдруг стал не просто цифрой, а огромным невидимым якорем, тянущим на дно в глазах этой женщины. Утренний поцелуй Аполлона, борьба с маршруткой, победное приобретение пирожка с луком – всё рассыпалось в прах перед этим холодным вердиктом.

— Позвольте, — начала я, пытаясь придать своему голосу уверенность, которой в нём не было и в помине. — Я только что пробежала через весь парк! От остановки. Я легко справляюсь с нагрузками! Вот, смотрите! — я сделала шаг вперёд, нарочито бодро, почти подпрыгивая. Пол подо мной не провалился. — Ноги? Да я каждый день...

Я хотела сказать «борюсь с общественным транспортом, как гладиатор», но запнулась.

Женщина приподняла бровь. Выражение её лица говорило: «Бежала? Через парк? С твоими-то пропорциями? Да ты, милочка, фантазёрка».

— Милая девушка, — голос кадровички стал сладким, как сироп, но с привкусом железа. — Опоздание – это показатель дисциплины. Вес – это показатель выносливости. У нас нагрузка! Постоянное движение! Тут не до пирожков.

Она заметила, что я вытирала руки салфеткой, как забежала в её кабинет.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног. Не от усталости, а от бессилия. Я знала, что могу работать! Но эти аргументы разбивались о стену предубеждений и пункт в должностной инструкции, который, вероятно, гласил: «Требуется: рост от ста семидесяти сантиметров, вес не более шестидесяти пяти килограмм, скорость реакции как у гепарда и никогда не опаздывать».

— Я очень ответственная! — попыталась ещё раз, сжимая края своего балахона. — Я готова работать. Это же не шахтёрский труд! Документы, коробки. Я справлюсь! Дайте мне шанс!

Женщина медленно, с театральным вздохом закрыла папку с резюме. Звук был финальным, как хлопок крышки гроба.

— Шанс вы уже упустили. Опоздав. — Она сделала паузу, давая словам впитаться. — А ваши физические данные просто не соответствуют требованиям. Это не прихоть, это забота о вас же. Чтобы вы не надорвались в первый же день. — Она говорила это с видом врача, сообщающего о неизлечимой болезни, но с лёгким оттенком брезгливости. — Ищите

что-нибудь сидячее. С документами. Без лишней суеты.

— Я – кондитер.

Гнев сменился ледяной пустотой. Мои «неподходящие» ноги, которые только что лихо несли через парк к заветному пирожку, теперь казались чужими, тяжёлыми колодами. Пирожок был вкусным, а теперь во рту будто горько от унижения и несправедливости.

— Я... понятно, — прошептала, не узнавая собственного голоса. — Спасибо за заботу.

Развернулась и пошла к выходу.

Казалось, весь отдел кадров смотрел мне вслед: секретарша у окна, парень с папкой у двери – все с той смесью любопытства и лёгкого презрения, которую вызывают «отказники». Особенно те, кто сам виноват и в весе, и в опоздании.

****

Дверь за мной закрылась. В коридоре было тихо. Я прислонилась к холодной стене и закрыла глаза. В ушах всё ещё звучал сладкий ядовитый голос: "...не надорвались... сидячая работа... с документами..."

Достала из кармана телефон. На экране пропущенный звонок от «Аполлоша» и одно сообщение:

«Алекс! Где ты? Тренировка обязательна! Не опаздывай! Начинаем менять жизнь к лучшему! Ты готова к чуду, пупсик?»

Я посмотрела на сообщение. Потом на дверь отдела кадров и вниз, на свои «невыносимые» ноги, которые устало гу-

дели после утреннего марафона. Но их я не увидела, даже живота не было видно, грудь вперёд торчала, закрывая вид.

Уголки губ дрогнули, пытаясь сложиться во что-то: то ли в горькую усмешку, то ли в начало истерики.

«Чудо?» — мысленно переспросила я Аполлона. — «Да, Аполлон. Я как раз только что столкнулась с одним «чудом». Оно называется «реальность». И у неё, похоже, совсем другие планы на мои ноги и моё резюме».

Я сунула телефон обратно в карман, чувствуя, как тёплый пирожок с луком внутри превращается в холодный, тяжёлый комок разочарования. Работа не светила. Тренировка с Аполло маячила на горизонте как ещё одно испытание. А ноги... ноги всё-таки устали. Но не от бега. От того, что их сочли ни на что негодными ещё до старта.

Слёзы хлынули потоком, когда охранник, как на эшафот, выводил меня из здания завода. Но не через центральный вход, будто боясь позора, а куда-то в зад, где кругом всякие заборы, стояли машины, и было не так всё радужно.

Я не хотела отвечать на звонок, но Аполлон звонил настойчиво. Тогда я решила, раз он везде уже покопался, пусть воспринимает меня такой, как есть.

— Ну?

— О, нет, пупс, — заныл в ответ Аполлон. — Кто тебя обидел?

Всё! Утренний кошмар, поцелуй с тобой, битва в маршрутке, райский пирожок... всё перечёркнули слова кадрович-

ки: «ног не хватит».

— Пошли они все в пень, уроды! Пупс, ты такая классная! Что случилось?

— Они сказали, что я недостаточно стройная для этой должности... Я даже собеседование не прошла!

— Послушай меня внимательно, пупсик, — голос парня стал твёрже и увереннее. — Ты красивая, умная и талантливая девчонка! Если эта компания отвергла тебя лишь потому, что твой вес не вписывается в их идеалы красоты, значит, они сами потеряли потрясающего сотрудника.

— Но ведь это уже третий отказ подряд... Пол, меня в прошлый раз уволили исключительно за вес! Я ничего не уронила, хорошо работала.

Аполлон ответил спокойно и уверенно:

— Это не твоя вина, а их проблема. Поверь мне, скоро найдётся та работа, где оценят твои таланты и профессионализм независимо от внешности. Главное – верить в себя и продолжать двигаться вперёд. И не забывай, что вес: сегодня есть, а завтра его нет. Мы не ради этих идиотов будем стараться, а ради себя.

Он ещё что-то говорил такое тёплое, а я улыбнулась сквозь слёзы, осознавая, насколько сильно этот разговор повлиял на моё настроение. Впервые за долгое время почувствовала уверенность и решимость. И охватила волна благодарности и облегчения. Показалось, что рядом есть тот, кто действительно верит в меня.

Попрощавшись с ним, я глубоко вздохнула и решила действовать решительно…

У Аполлона работа такая – поддерживать толстых. Целовать, чтобы больше платили. Не верила я ему, одним словом.

Вспомнила, как в прошлый раз уволили, как в этот… И опять заревела!

****

Унижение, гнев и отчаяние сдавили горло. Тряслись плечи, а в ушах стоял собственный обиженный вой.

— Девушка?.. Всё в порядке? — раздался надо мной мягкий, обеспокоенный мужской голос.

Я вздрогнула, но не подняла головы. Мне было стыдно. Стыдно за слёзы, за свой вид, за этот жалкий комок отчаяния.

— Я... я п-п-пошла, — выдавила сквозь рыдания, пытаясь идти. Ноги подкосились.

Тогда я просто встала, как вкопанная. Посмотрела на незнакомца. Он был невысоким, коренастым. И его глаза карие, очень тёплые и умные, смотрели на меня без осуждения, только с участием. Почему-то сразу показался мне спокойным и уверенным в себе. Волосы тёмные, слегка тронутые сединой. Тонкие черты лица, немного азиатские. В уголках чуть раскосых глаз прятались легкие морщинки.

— Не торопись, — тихо сказал он. — Постой. Дай себе передышку. Подыши. Вместе со мной, вот так: вдох... выдох...

Я машинально попыталась повторить, всхлипывая. Воздух обжигал лёгкие.

— Меня не взяли, — вырвалось у меня сквозь ком в горле. Я не собиралась жаловаться незнакомцу, но слова полились сами собой, переполненные горечью. — Говорят... фигура не позволяет. Ноги не выдержат, устану. А я только что через весь парк бежала! За пирожком! И ничего! — Я громко всхлипнула, абсурдность сравнения оглушила даже меня саму. — А ещё опоздала. И это главное. Вес и опоздания. Как клеймо.

Я ждала банальных утешительных слов: «Ну что поделать», «Не расстраивайся». Но мужчина покачал головой, и его карие глаза стали серьёзными.

— Вот это да. Вес как профессиональный критерий? — Он произнёс это с таким искренним, почти детским недоумением, что я на секунду перестала рыдать. — Это же глупость какая-то. Ноги устают у всех, кто целый день бегает. У худых, у полных, у спортсменов. Усталость зависит от выносливости и обуви, а не от цифр на весах. А опоздание... — он махнул рукой. — Ты же не работаешь здесь.

Я смотрела на него, всхлипывая, но уже реже. Его спокойная уверенность действовала как бальзам. То есть Аполлона было мало, нужен был посторонний мужчина, который не обесценивал мою боль, но и не раздувал трагедию. Просто констатировал нелепость ситуации.

— Меня зовут Алекса, — прошептала я, вытирая ладонью

мокрое лицо. — Алексеева.

Мужчина улыбнулся. Улыбка осветила смуглое лицо и сделала его моложе.

— Алексеева? Алекса? — переспросил он, и в его глазах мелькнуло что-то знакомое, узнаваемое. — Не та ли Алекса Алексеева, которая пару лет назад на городской выставке от кулинарного училища представляла свой торт «Медовый рай»? Тот, что с карамельными сотами и шоколадными пчёлками.

Я замерла и широко раскрыла глаза.

— Вы… Видели?

— Карамель идеально хрустела, — посмеялся он и протянул мне руку. — Дмитрий Васильевич. И я отлично помню твой торт! Он был не просто красивым, он был вкусным. Чувствовалось, что он сделан с любовью и знанием дела. Ты тогда всех поразила! Особенно пчёлками из белого и черного шоколада.

Когда я пожимала его руку, он смотрел на меня с неподдельной теплотой и уважением. Совсем не так, как кадровичка.

Внезапное воспоминание о своём кулинарном успехе, о том, что кто-то запомнил меня именно за талант, а не за размер одежды или опоздания, окатило волной спокойствия. Тяжёлый ком под ложечкой начал таять. Уголки губ непроизвольно дрогнули, пытаясь сложиться в ответную улыбку. Это было неуклюже, сквозь слёзы и опухшие глаза, но это

была настоящая улыбка.

— Вот и славно. Не грусти из-за глупых отказов.

Горечь и стыд всё ещё были где-то на периферии сознания, но их уже вытесняло тепло от его слов, от его взгляда, от воспоминаний о кулинарной выставке. И я оторвалась от разговора, тем более мужчина тоже начал с кем-то разговаривать. И быстро отправила:

«Спасибо, Аполлон»

«Тебе спасибо, Лекса».

«А мне за что?»

«За пристанище и любовь»

«Какая любовь, Аполлон? Мы только знакомимся.

«Любовь неизбежна, пупсик».

— Спасибо вам, Дмитрий Васильевич, — тихо сказала, но голос уже не дрожал. — Правда, стало легче.

— Дмитрий, — доброжелательно поправил он. — И не бойся, Алекс. Мир велик. Обязательно найдётся место, где оценят и твои пирожки, и твои крепкие ноги. Допустим, кондитерская, почти центр города. У тебя талант. Руки-то не отсохли? Глазомер и вкус никуда не делись?

— Нет, — я покачала головой, уже почти улыбаясь.

— Если щи хороши, других не ищи. Поехали, у меня есть для тебя работа.

Чужой мужчина! Да ещё и на машине! Моя мама упала бы в обморок.

«Доченька, тебя же так и запишут в криминальную хро-

нику!»

Кондитерская в центре города? Там же аренда сумасшедшая… Дима. Он улыбался так искренне, что это вызывало подозрения.

«Улыбка маньяка», — прошептал внутренний голос.

«Или просто офисный синдром?» — робко возразил другой.

— Я... не знаю, — начала оглядываться, а вокруг…

Мрачные, кирпичные стены, как ущелье в горах, где только небо недосягаемое, а вокруг мощные стены, падающие на тебя. Тишина и мрак, гудёж кондиционеров. И ни одной живой души!

Я не справлюсь со взрослым маньяком, даже несмотря на мою весовую категорию.

А мужчина наступал… Вот и всё, я не успею позвонить.

— Поехали со мной, Алекс! — весело, но плотоядно предложил Дима, размахивая ключами от видавшего виды минивэна, который явно знавал и лучшие времена и пару серьёзных ДТП, судя по вмятинам.

Машина чёрная и мрачная, с затемнёнными стёклами. Может там группа черноглазых «Дим», а я пухлая и слабая.

— Работы — море! На «Сладком комбинате» не хватает рук! Готовка, упаковка, контроль качества... ты же разбираешься в сладостях!

Я отсту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.